

С. Н. Разумов, А. И. Смирнов, Л. И. Смирнов, Е. Г. Карнаух

Курганы бронзового века у села Тузлы в верховьях Березанского лимана

Keywords: North Black Sea littoral, Bronze Age, III — first half of II millennia BC, barrows, funerary practice.

Cuvinte cheie: Nordul Mării Negre, epoca bronzului, mileniul III — prima jumătate a mileniului II î. Chr., tumuli, rit de înmormântare.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, эпоха бронзы, III — первая половина II тыс. до н.э., курганы, погребальный обряд.

S. N. Razumov, A. I. Smirnov, L. I. Smirnov, E. G. Karnauh

Kurgans of the Bronze Age at the village of Tuzly in the Upper Reaches of the Berezan Estuary

The article publishes the results of excavations of two barrows located near Tuzly village, Berezan district, Nikolaev region. The mounds hid burials of different cultural and historical horizons of the Bronze Age: Yamnaya, Catacomb and Babino cultural-historical communities. Yamnaya culture complexes of the South Bug variant containing seven anthropomorphic stelae, amphora with plastic "horns" and a silver pendant are of particular interest. Late Bronze Age burials with hand-made vessel, two bone buckles and an arrowhead complement a series of similar complexes of the Dnieper-Prut Babino culture. The article has three annexes: analysis of the anthropological and archaeozoological materials and spectral analysis of the metal.

S. N. Razumov, A. I. Smirnov, L. I. Smirnov, E. G. Karnauh

Tumuli din epoca bronzului din apropierea de satul Tuzlî în amonte estuarului Berezan

Sunt publicate rezultatele săpăturilor efectuate în doi tumuli situați lângă satul Tuzlî, raionul Berezan, regiunea Nikolaev, Ucraina. Sub mantalele tumulilor au fost descoperite înmormântări aparținând diferitor orizonturi cultural — cronologice din epoca bronzului: Jamnaja, Catacombaja și a comunităților culturii Babino. Prezintă interes complexele aparținând culturii Jamnaja, varianta Bugului de Sud, care conțineau șapte stele antropomorfe, o amforă cu proeminențe-„coarne” și un pandantiv de argint. Înmormântarea din epoca târzie a bronzului, cu un vas modelat manual, două catarama de os și un vârf de săgeată, completează seria complexelor similare culturii Babinsk din spațiul Nipru-Prut. Articolul este completat cu trei anexe: analiza materialelor antropologice și arheozoologice, analiza spectrală a metalului.

С. Н. Разумов, А. И. Смирнов, Л. И. Смирнов, Е. Г. Карнаух

Курганы бронзового века у села Тузлы в верховьях Березанского лимана

Публикуются результаты раскопок двух курганов, расположенных у с. Тузлы Березанского района Николаевской области Украины. Под насыпями обнаружены погребения различных культурно-хронологических горизонтов бронзового века: ямной, катакомбной и бабинской культурно-исторических общностей. Интерес представляют ямные комплексы южнобугского варианта, содержавшие семь антропоморфных стел, амфору с налечами-«рогами» и серебряную подвеску. Погребения позднего бронзового века с лепным сосудом, двумя костяными пряжками и наконечником стрелы дополняют серию подобных комплексов днепро-прутской бабинской культуры. Статья снабжена тремя приложениями: анализом антропологических и археозоологических материалов, спектральным анализом металла.

В ноябре 2011 и июне 2013 года Николаевской новостроечной экспедицией под руководством А. И. Смирнова проводились археологические исследования курганов №1 и №2 на территории Тузловского сельского совета Березанского района Николаевской области (рис. 1). Курганы находились на северо-восточной окраине села Тузлы. Курган №2 был расположен в 50 м севернее кургана №1. Оба кургана раскапывались параллельными траншеями, ориентированными по направлению север-юг, с оставлением трех бро-

вок — западной, центральной и восточной (рис. 2: 5).

Высота кургана №1 на момент начала исследований составляла всего 0,25—0,3 м. Во время исследований выяснилось, что его насыпь была почти полностью разрушена плантажной вспашкой, которая достигала глубины 0,5—0,6 м, заходя в материковый суглинок (рис. 2). Соответственно, большинство впускных погребений было разрушено, о чем свидетельствуют находки мелких фрагментов человеческих костей в пахотном слое. В кур-

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.

© С. Н. Разумов, А. И. Смирнов, Л. И. Смирнов, Е. Г. Карнаух, 2015.

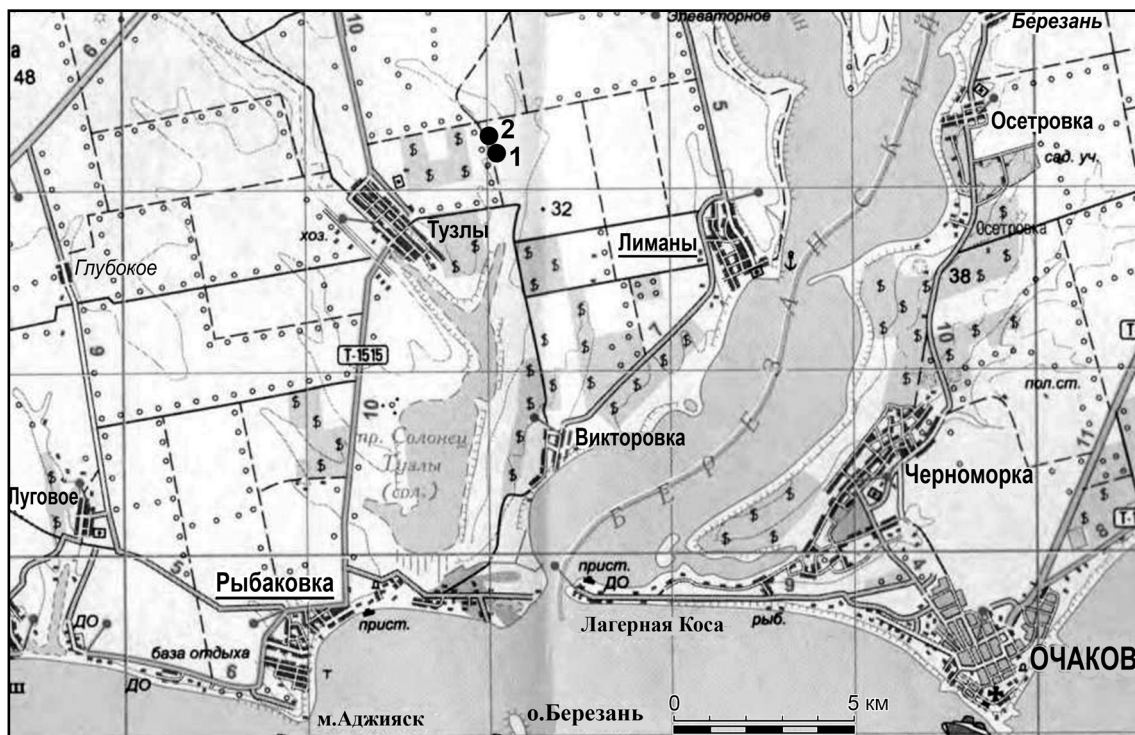

Рис. 1. Топографическое положение курганов у с. Тузлы. 1, 2 — исследованные курганы.

Fig. 1. Topographic position of barrows near Tuzly village. 1, 2 — investigated mounds.

гане исследовано 4 погребения эпохи бронзы. Все глубины в тексте даются от центра кургана.

Погребение 1 (впускное (?), ямная культурно-историческая общность) (рис. 3: 1). Обнаружено в первой восточной траншее на расстоянии 4 м на юг и 3 м на восток от центра кургана.

Представляло собой прямоугольную яму, ориентированную по оси юг-юго-запад — север-северо-восток, размерами 0,8×0,4 м, глубина 0,8 м. В северной части ямы расчищены кости правой ноги ребенка и пятно бурой охры диаметром 15 см, остальной скелет разрушен плантажной вспашкой. Судя по остаткам ямы и скелета, ребенок был уложен скорченно на правом боку головой на юго-запад. Погребение безынвентарное.

Погребение 2 (впускное, ингульская катакомбная культура) (рис. 3: 2). Обнаружено в первой восточной траншее на расстоянии 6 м на юг и 3,5 м на восток от центра кургана. Погребение представляло собой катакомбу с округлой входной шахтой диаметром около 1 м (дно шахты на глубине 0,78 м) и овальной камерой размерами 2,1×1,3 м (дно на глубине 0,88 м).

Взрослый индивидуум (мужчина?) был уложен вытянуто на спине, головой на юго-запад, руки вдоль тела. В южном углу камеры, за головой и правым плечом погребенно-

го, в полу камеры было сделано чашеобразное углубление глубиной 6 см, диаметром около 18 см. Погребение безынвентарное.

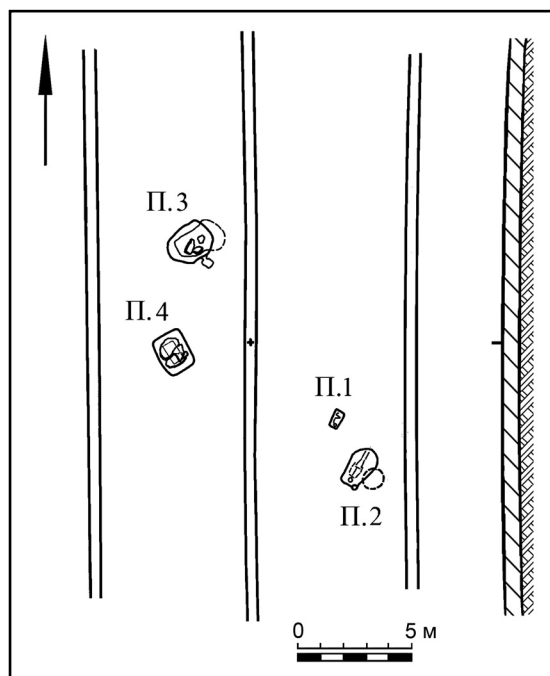

Рис. 2. План и профиль центральной бровки кургана №1 у с. Тузлы.

Fig. 2. Plan and profile of the central baulk of mound no. 1 near Tuzly village.

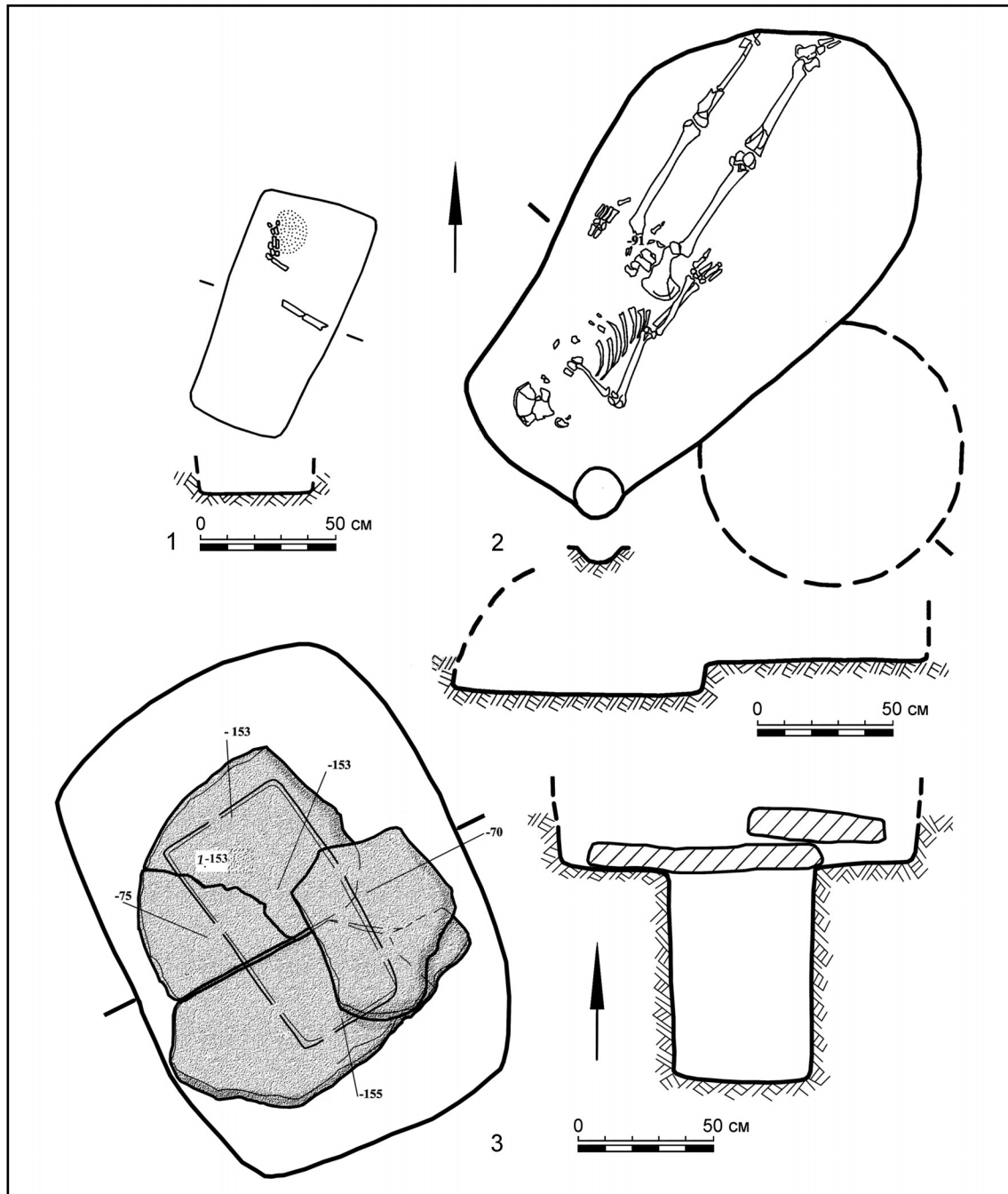

Рис. 3. Погребения кургана 1: 1 — погребение 1; 2 — погребение 2; 3 — погребение 4.

Fig. 3. Burials of barrow 1: 1 — burial 1; 2 — burial 2; 3 — burial 4.

Погребение 3 (основное (?), ямная культурно-историческая общность) (рис. 4). Обнаружено в первой западной траншее на расстоянии 5 м на север и 3 м на запад от центра кургана на глубине 0,6 м.

Размеры ямы на момент исследования $2 \times 1,7$ м, максимальная глубина 2,2 м. В западной части ямы зафиксирована ступенька шириной 0,3 м на глубине 1,07 м, которая, возможно, представляет собой остатки уступа. К востоку дно ямы понижалось до 1,72 м,

в восточной части зафиксирована еще одна ступенька и ниша, дно которой постепенно снижалось до 2,2 м. В юго-восточном углу ямы на глубине 0,65 м зафиксирована ступенька грабительского хода, максимальная глубина которой достигала 0,87 м. В южной и центральной части ямы находились три известняковых плиты, две из них имели следы подтески. Эти плиты представляли собой остатки горизонтального перекрытия камеры погребения, сдвинутые со своего места гра-

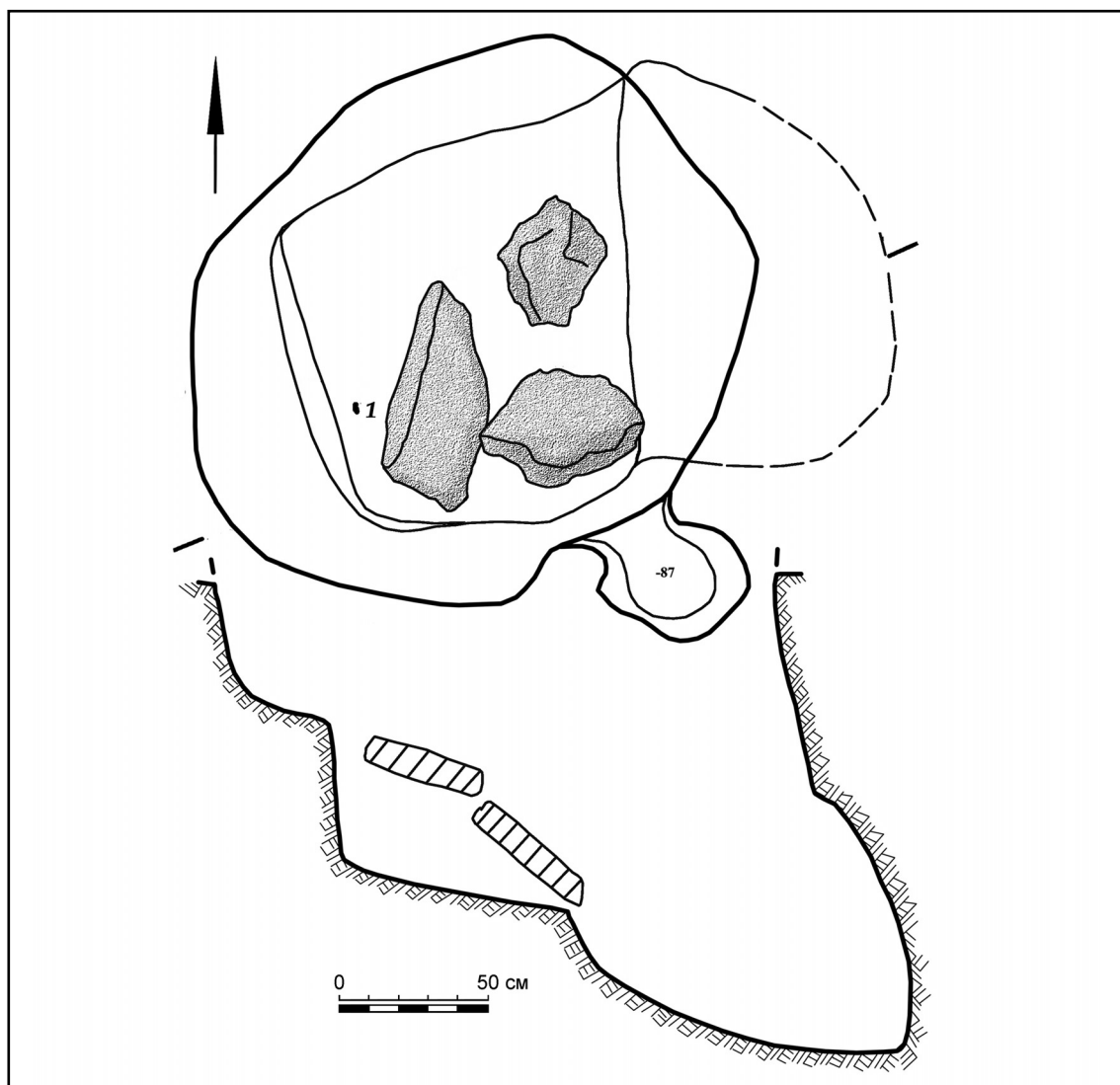

Рис. 4. Погребение 3 кургана 1.

Fig. 4. Burial 3 of barrow 1.

бителями. В юго-западном углу ямы на глубине 1,53 м зафиксированы мелкие обломки железного предмета в виде сильно корродированной пластины, которая могла быть остатками оковки деревянной лопаты. Таким образом, время ограбления погребения 3 предварительно может быть определено как первая половина XIX века (возможно, связано с появлением по соседству с курганной группой села Тузлы). Само расположение погребения 3 в центре кургана стало причиной его ограбления, поэтому мы предполагаем, что оно было основным. К сожалению, плантажная вспашка полностью уничтожила не только насыпь кургана, но и погребенную почву, так что стратиграфическими наблюдениями подтвердить данное предположение невозможно. Никаких костей в заполнении и на дне не обнаружено. Впрочем, мелкие фрагменты че-

ловеческих костей были найдены в пахотном слое в центральной части насыпи. Погребение безынвентарное.

Погребение 4 (впускное (?), ямная культурно-историческая общность) (рис. 3: 3). Обнаружено в первой западной траншее на расстоянии 3 м к западу от центра кургана. Представляло собой прямоугольную входную яму и собственно яму погребения. Входная яма прямоугольная с закругленными углами, ориентированная по длинной оси юг-юго-восток — север-северо-запад, размерами 2×1,5 м, глубиной 0,7 м от центра кургана. Внутренняя яма погребения размерами 1×0,5 м и глубиной 1,55 м была перекрыта тремя каменными плитами (две известняковые и одна песчаниковая). Одна из них (известняковая) представляет собой антропоморфную стелу размерами 1,2×0,5×0,15 м

с выделенным подпрямоугольным выступом головы и подтесанным основанием, которая лежала лицевой частью вниз (рис. 13: 1). Стенки внутренней ямы почти вертикальны, тщательным образом обработаны, на них сохранились следы орудий в виде вертикальных желобков 2—3 см в ширину и до 1 см глубиной. На дне ямы найден молочный зуб ребенка 6—12 месяцев¹. Никаких других следов скелета либо подстилки не обнаружено, несмотря на хорошую сохранность погребального сооружения. Вероятно, оно было кенотафом, судя по размерам ямы и находке молочного зуба — детским. Погребение безынвентарное.

Стратиграфия кургана. В результате плантажной распашки насыпь была практически полностью уничтожена. Никаких следов досыпок, рва, кромлеха или кольцевой околокурганной выемки не обнаружено. Вероятно, курган первоначальным диаметром 12—15 м был насыпан в один прием над ямным погребением 3. Позднее южнее него были впущены ямные погребения 1 и 4 (кенотаф). Впрочем, не исключено, что погребение 4 было синхронно погребению 3 и также являлось основным. Последним из зафиксированных погребений в юго-восточную полу насыпи было впущено погребение 2 ингильской катакомбной культуры.

Курган 2 располагался в 50 м севернее кургана 1. Высота от современной поверхности 1,25—1,3 м. В центральной части насыпи перекоп XX века — яма диаметром около 1 м, глубиной более 2 м, с остатками бетонного столба (рис. 5).

Погребение 1 (впускное, бабинская культурно-историческая общность) (рис. 7: 1). Обнаружено в первой восточной траншее в 4 м к югу и в 1,5 м к западу от центра кургана. Погребальное сооружение представляло собой подбой. Размеры входной ямы — 1,5×0,5 м. В северной стенке был сделан подбой высотой 0,3—0,4 м. Общие размеры ямы по дну 1,2×0,8 м, глубина 2,02 м. На дне ямы находился скелет взрослого человека (мужчина, 35—40 лет). Он лежал сильно скорченно на левом боку, с разворотом на грудь, головой ориентирован на восток. Кисти рук сложены перед лицом, ноги пятками подтянуты к тазу. Перед коленями, в юго-западном углу, лежала костяная пряжка-медальон (1), сзади, слева между нижних ребер, вплотную к позвонкам грудного отдела — кремневый наконеч-

ник стрелы (2). В юго-западном углу входной ямы, в заполнении, на глубине 1,6 м от центра кургана (0,42 м от дна ямы) была найдена лопатка быка домашнего (3).

1. **Костяная пряжка-медальон.** Щиток прямоугольной формы с закругленными углами, круглое центральное отверстие с выделенным бортиком, малое боковое отверстие овальной формы (рис. 7: 3). Размеры 48×40×2 мм, высота бортика 3 мм, диаметр большого отверстия 17 мм, малого — до 3 мм.

2. **Кремневый наконечник стрелы** (рис. 7: 2). Треугольный, с неглубокой дуговидной выемкой у основания, острие обломано в древности. Размеры 26×14×3 мм. Наконечник сильно кальцинирован. Вероятно, слой кальция отложился на его поверхности в результате длительного пребывания в тканях живого человека. Следовательно, данный наконечник послужил причиной несмертельного ранения.

3. **Лопатка животного**, принадлежала быку домашнему². Следов использования в качестве орудия труда, признаков обжига на лопатке или следов от попыток ее разбить не обнаружено. Присутствуют только три следа разделки от режущего орудия на шейке лопатки. Таким образом, данную кость можно отнести к напутственной пище. Возможно, первоначально она находилась на перекрытии входной ямы погребения.

Погребение 2 (впускное, бабинская культурно-историческая общность) (рис. 7: 4). Погребение обнаружено в первой восточной траншее, в 3 м на восток и 3 м на юг от центра кургана. Яма неправильной овальной формы (1,3×0,8 м); возможно, изначально погребальное сооружение представляло собой подбой. Глубина 1,22 м от центра кургана. На дне ямы находился костяк взрослого человека (мужчина 30—40 лет). Погребенный лежал сильно скорченно на левом боку, головой ориентирован на восток, кисти рук сложены перед лицом, пятки подтянуты к тазу. Возле левой бедренной кости находились фрагменты костяной пряжки-медальона (1). В заполнении ямы, на 0,2—0,3 м выше костяка, был найден лепной сосуд (2), который, возможно, изначально располагался на перекрытии погребения либо на ступеньке входной ямы подбоя. Впрочем, не исключено, что сначала сосуд стоял на дне ямы перед погребенным, и был смещен животным, нора которого разрушила грудную клетку костяка и часть костяной пряжки.

¹ Антропологические определения здесь и далее выполнены Ю.В. Ушковой (см. Приложение 1).

² Археозоологические определения сделаны Е.Ю. Яниш (см. Приложение 2).

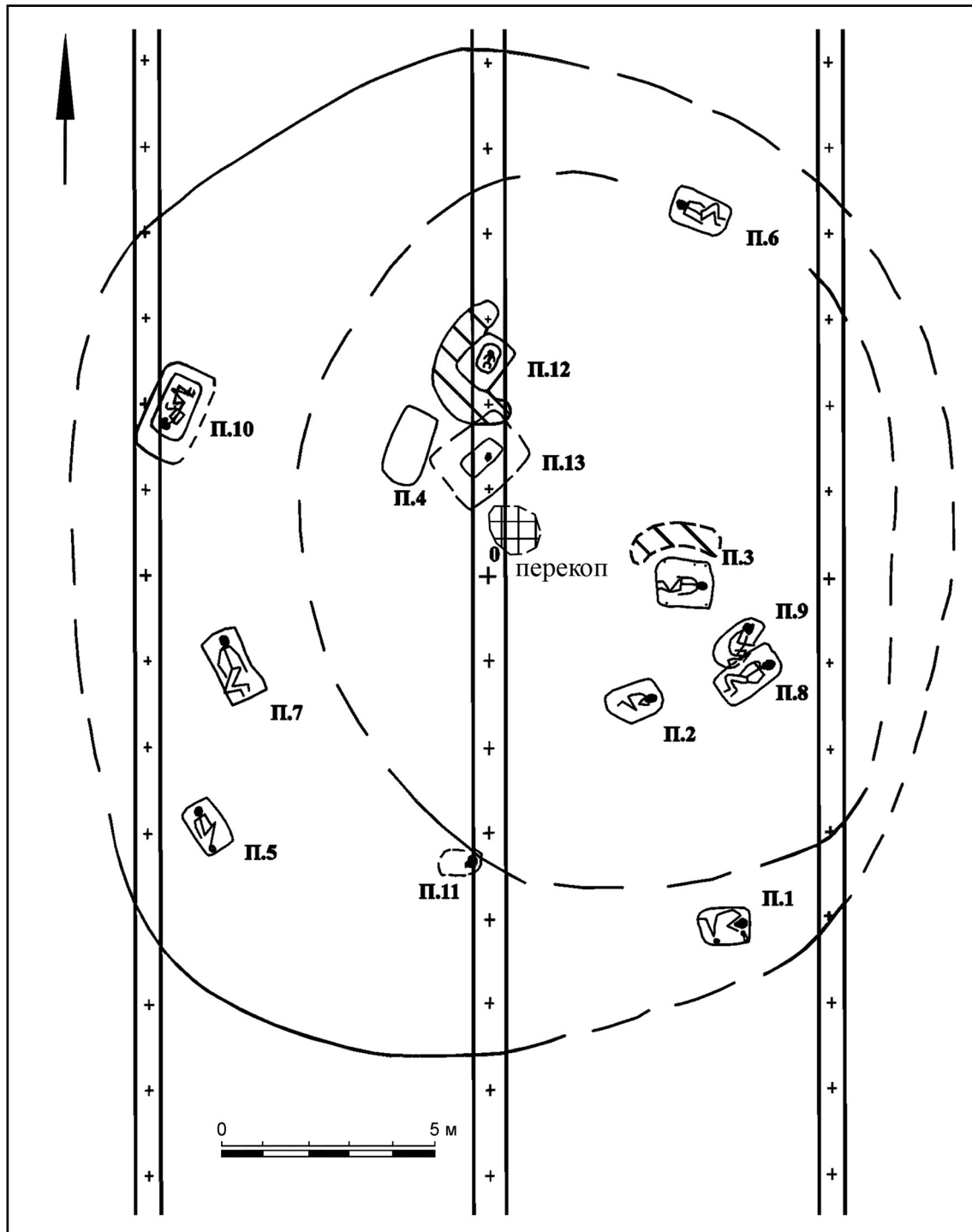

Рис. 5. План кургана 2 у с. Тузлы.

Fig. 5. Plan of barrow 2 at Tuzly village.

1. *Костяная пряжка-медальон.* Сохранилась фрагментарно. Щиток овальной либо прямоугольной формы с закругленными углами, круглое центральное отверстие с небольшим выделенным бортиком, размеры малого бокового отверстия не восстанавливаются, о его наличии можно судить по мелким фрагментам пряжки (рис. 7: 5). Размеры 42×40×2 мм,

высота бортика 1,5 мм, диаметр большого отверстия 14 мм.

2. *Лепная банка* (рис. 7: 6)³. Край венчика незначительно отогнут, утолщен наружу

³ Описания и рисунки керамических сосудов из кургана 2 сделаны к. и. н. С. Д. Лысенко, за что авторы ему искренне признательны.

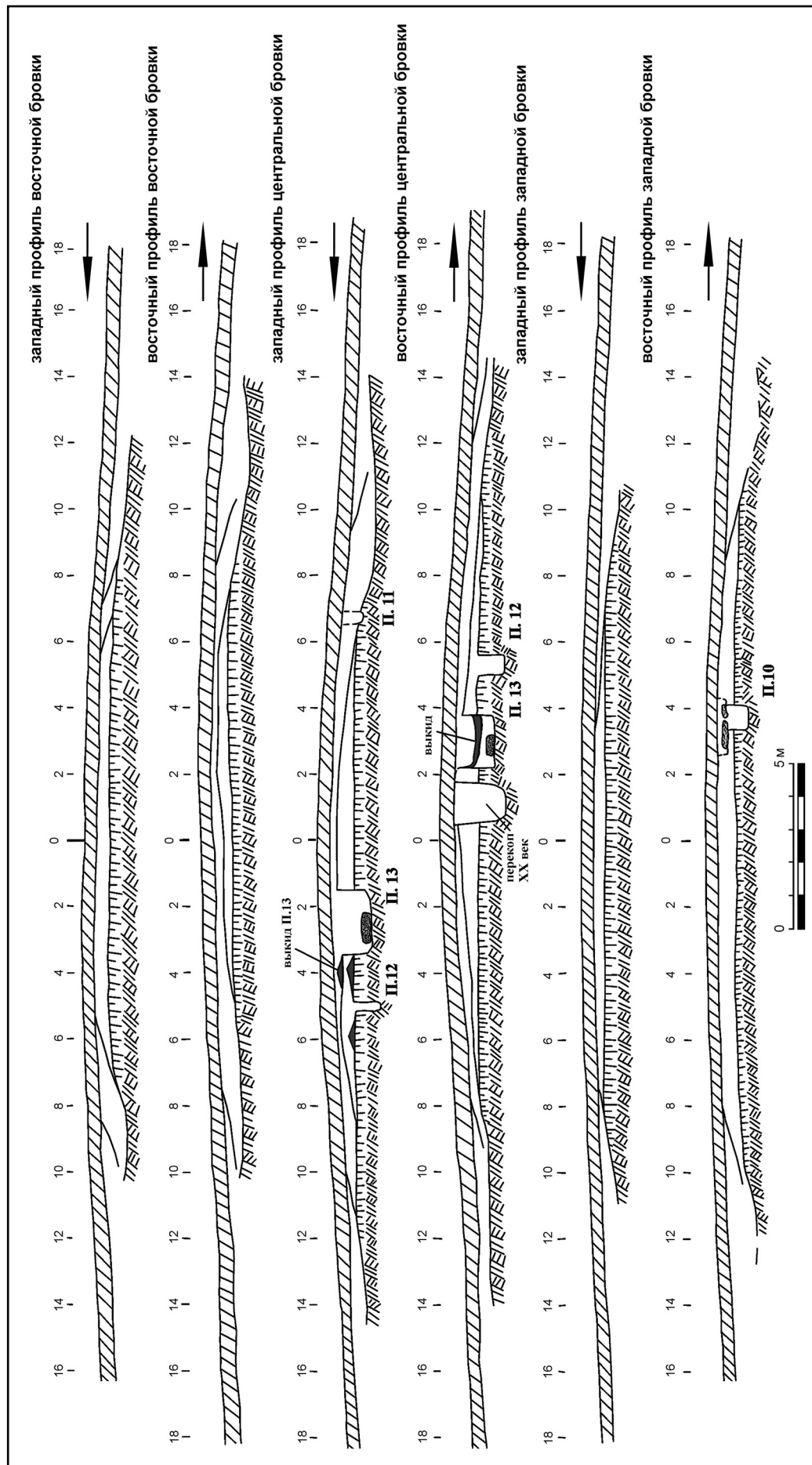

Рис. 6. Профили бровок кургана 2.

Fig. 6. Profiles of the baulks of barrow 2.

№2. 2015

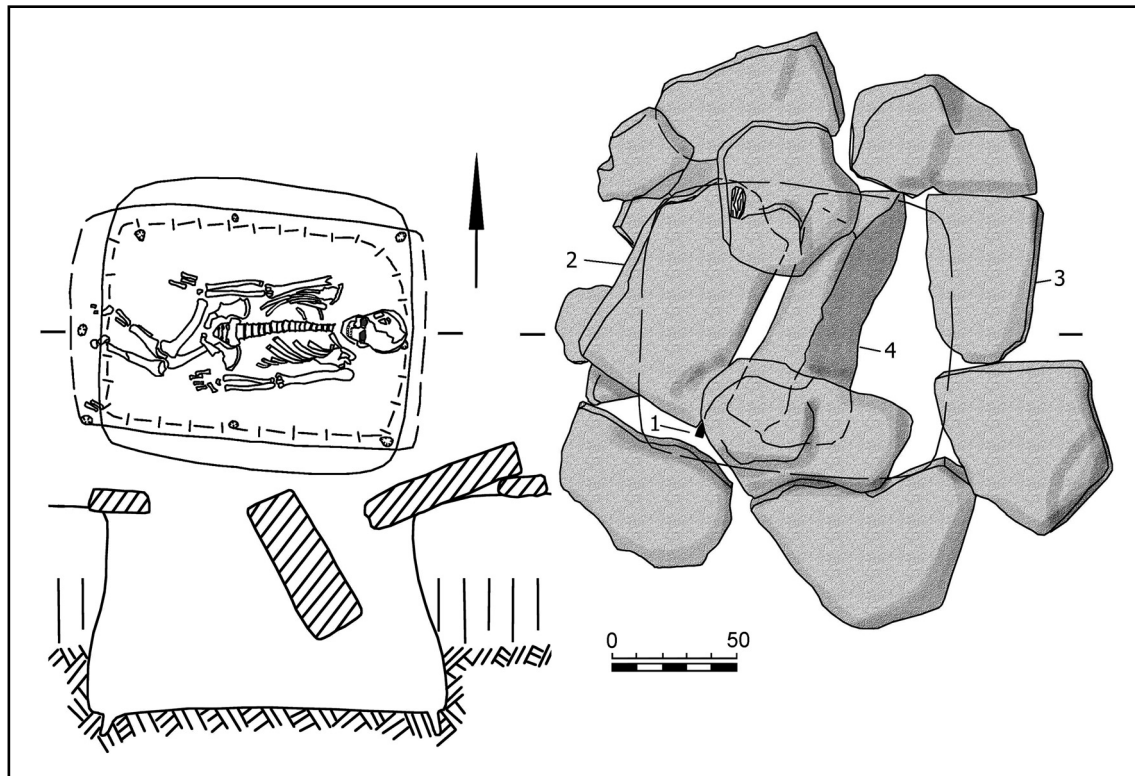

Рис. 8. Погребение 3 кургана 2.

Fig. 8. Burial 3 of barrow 2.

да — 33—37 мм. Толщина венчика — 7 мм, толщина стенок — 6—8 мм, толщина днища — 12 мм.

Погребение 3 (основное для второй насыпи (?), ямная культурно-историческая общность) (рис. 8). Погребение обнаружено в первой восточной траншее в 4 м к востоку от центра кургана. На глубине 0,65 м был обнаружен заклад из известняковых плит площадью около 9 м². Севернее заклада в плане прослежены остатки материкового выкида, вероятно, лежавшего на поверхности второй насыпи. В восточной части заклада была уложена антропоморфная стела 1, прямоугольная, с прямоугольным выступом головы, размеры 0,70×0,45×0,10 м (рис. 13: 3). В западной части заклада лежала антропоморфная стела 2, трапециевидная с подпрямоугольным выступом головы над меньшим основанием трапеции. Размеры 0,95×0,50×0,16 м (рис. 13: 2). В погребальную камеру завалились фрагменты третьей антропоморфной стелы (по форме близка стеле 1). Размеры 1,20×0,80×0,25 м (рис. 13: 4). Между камнями в юго-западной части заклада был обнаружен фрагмент железного предмета (округлый в сечении) — предположительно, обломанное острие от грабительского щупа. В северной части, под камнями, обнаружен тлен от деревянно-

го поперечного перекрытия. Таким образом, перекрытие, очевидно, было комбинированным — поверх плах либо жердей были уложены плиты известняка. Под камнями заклада фиксировались контуры прямоугольной погребальной ямы (1,3×1,05 м, глубина 1,9 м). На дне ямы находился костяк взрослого человека (мужчина 30—40 лет). Он лежал скорченно на спине, головой ориентирован на восток, на черепе следы алой охры. Под костями обнаружен органический тлен коричневого цвета от подстилки. По периметру дна ямы найдены 8 углублений от деревянных кольшюков, диаметром 4—6 см, глубиной 6—10 см. Погребение безынвентарное.

Погребение 4 (впускное, ямная культурно-историческая общность) (рис. 9: 1). Погребение обнаружено в первой западной траншее в 2 м на запад и 3 м на север от центра кургана. Прямоугольная яма (1,65×0,95 м) длинной осью ориентирована по линии север-северо-восток — юг-юго-запад. Глубина ямы 2,23 м. Под восточной стенкой вертикально располагалась известняковая плита (0,95×0,55×0,20 м), вероятно, первоначально перекрывавшая яму. Следов костяка и подстилки не обнаружено — сооружение являлось кенотафом. Погребение безынвентарное.

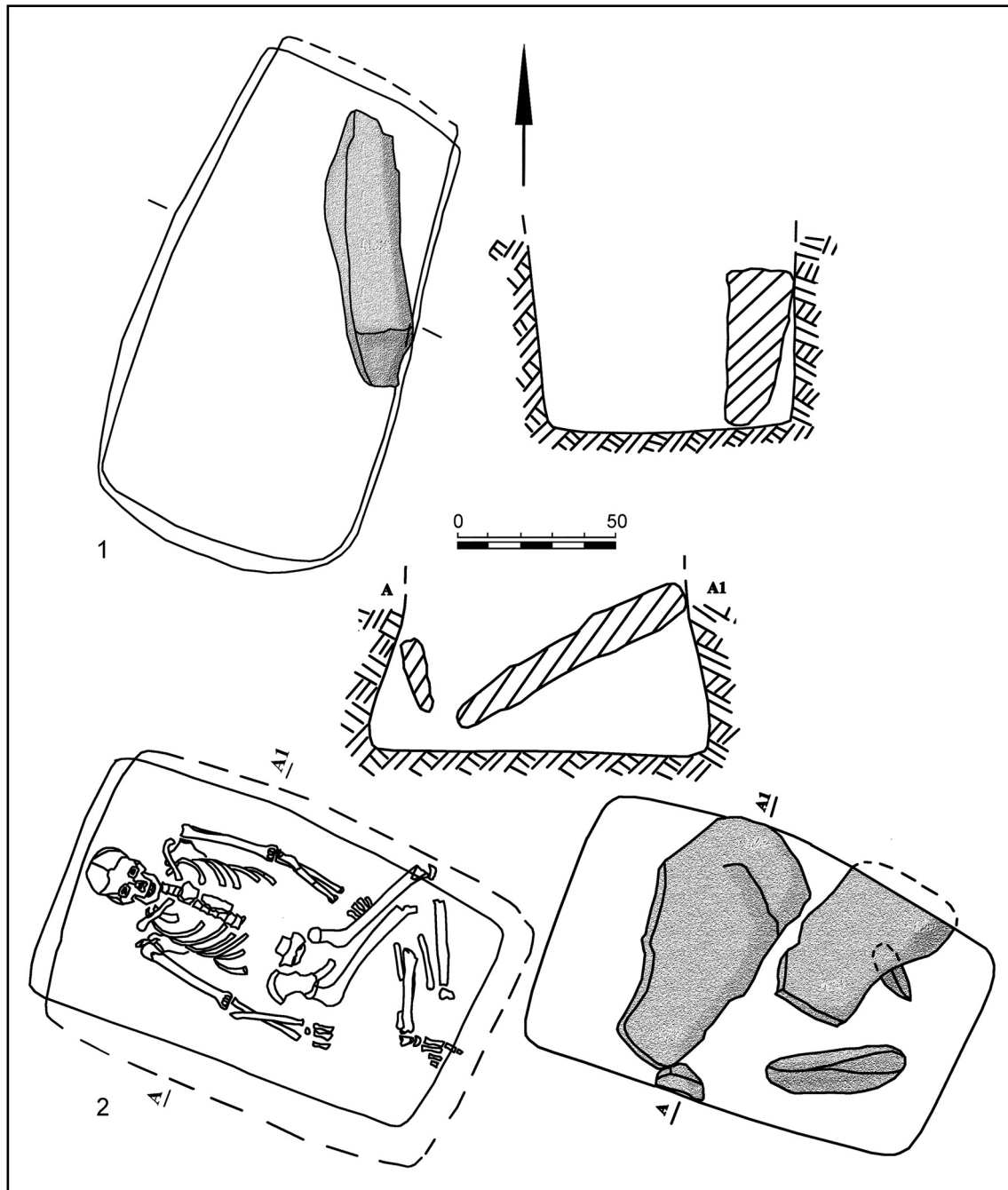

Рис. 9. Погребения кургана 2: 1 — погребение 4; 2 — погребение 6.

Fig. 9. Burials of barrow 2: 1 — burial 4; 2 — burial 6.

Погребение 5 (впускное, ямная культурно-историческая общность) (рис. 10: 1). Погребение обнаружено в первой западной траншее, в 4,5 м к западу и 6 м к югу от центра кургана. Погребальное сооружение, вероятно, представляло собой яму с заплечиками. Размеры заплечиков проследить не удалось. Их глубина 1,2—1,3 м. На заплечиках лежало каменное перекрытие — две известняковые антропоморфные стелы. Стела 1 (восточная) — подпрямоугольной формы с при-

остренным основанием, с прямоугольным выступом головы, размеры 1,10×0,50×0,15 м (рис. 13: 6). Была смещена бульдозером, очевидно, первоначально лежала вдоль длинной стороны ямы, примыкая к стеле 2, но «головой» в противоположном направлении. Стела 2 (западная), разбита пополам в древности, — трапецевидная с прямоугольным выступом головы (рис. 13: 5). Размеры 1,54×0,70×0,15 м. Под стелой 2 обнаружена погребальная яма прямоугольной формы,

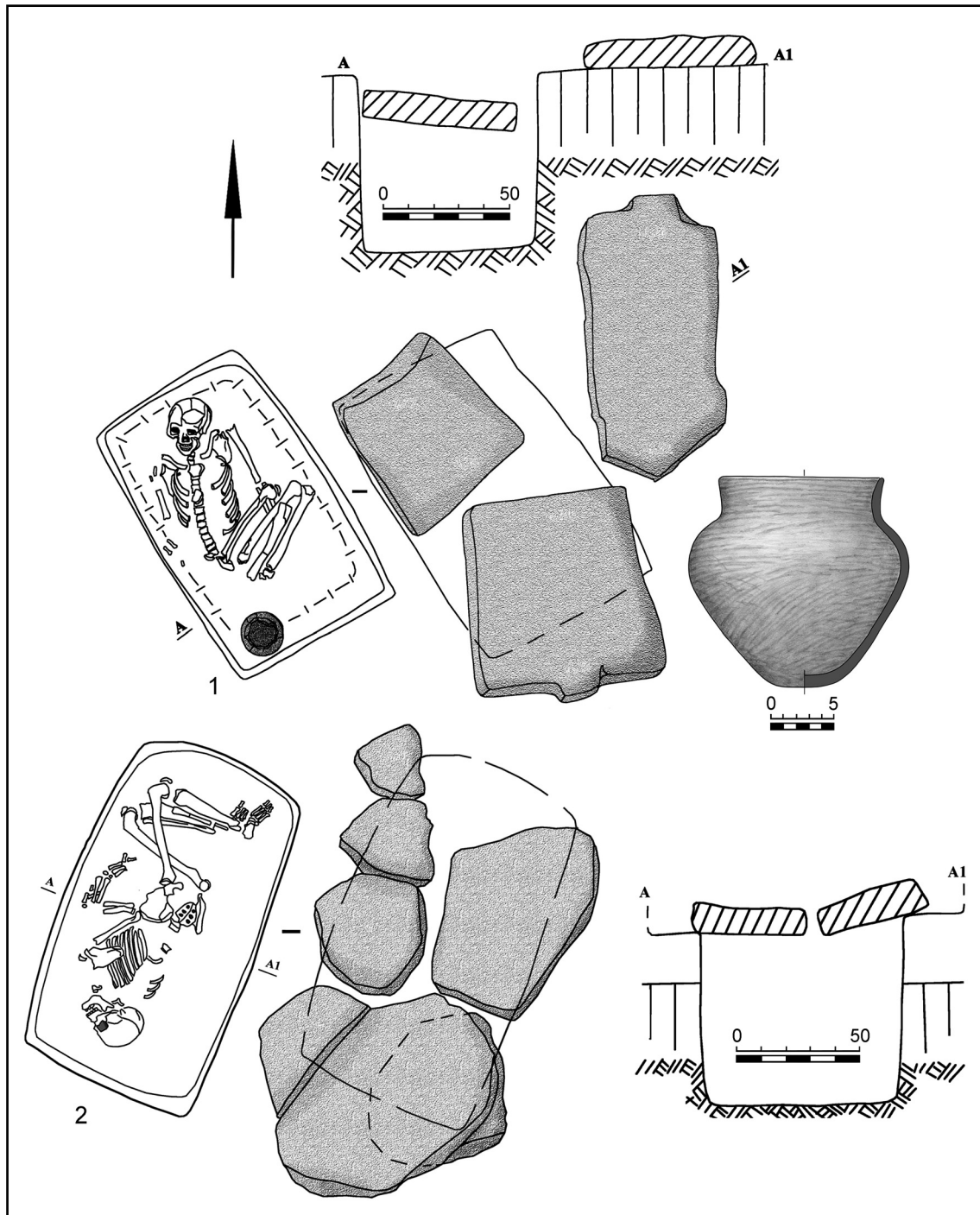

Рис. 10. Погребения кургана 2: 1 — погребение 5; 2 — погребение 10.

Fig. 10. Burials of barrow 2: 1 — burial 5; 2 — burial 10.

1,15×0,75 м, глубина 1,97 м от центра кургана, 0,7 м от края заплечиков. На дне ямы лежал костяк взрослого человека (женщина 60—70 лет), скорченно на спине, головой ориентирован на северо-запад, кости ног завалились влево, руки вытянуты вдоль тела. Череп, кости рук и ног окрашены красной охрой. В ногах, в южном углу камеры, стоял лепной сосуд (1). Под костями погребен-

ного прослеживался коричневый тлен от органической подстилки.

1. Лепной округлобокий сосуд (рис. 10: 2). Венчик средневысокий, воронковидный, утончается к краю; край венчика закруглен. Днище уплощенное, слегка закруглено. Тесто с примесью шамота. Цвет пятнами серый, черный; местами на поверхности сохранился черный нагар. Поверхности со следами

расчесов гребенкой. Диаметр венчика — около 130 мм, диаметр шейки — 125 мм, максимальный диаметр корпуса 172×174 мм, диаметр днища — около 50 мм. Высота сосуда — 165 мм, высота венчика — 30—31 мм, высота верхней части — 57 мм. Толщина венчика у края — 4,5 мм, в центре — 7 мм, у основания — 6 мм; толщина стенок — 6 мм, в придонной части — до 8 мм; толщина днища — около 9 мм.

Погребение 6 (впускное, ямная культурно-историческая общность) (рис. 9: 2). Погребение обнаружено в первой восточной траншее, в 8,5 м на север и 4,5 м на восток от центра кургана. Яма прямоугольной формы (1,35×0,85 м), глубина 2,05 м. Стенки расширились ко дну. В заполнении ямы находились три известняковые плиты без следов обработки, от рухнувшего перекрытия. На дне ямы лежал костяк взрослого человека (мужчина 25—30 лет). Погребенный был уложен скорченно на спине, головой ориентирован на северо-запад. Кости ног упали влево, руки вытянуты вдоль тела. Череп окрашен красной охрой. Под костями скелета зафиксирован коричневый тлен от органической подстилки. Погребение безынвентарное.

Погребение 7 (впускное, ямная культурно-историческая общность) (рис. 11: 1). Погребение обнаружено в первой западной траншее, в 4 м на запад и 2 м на юг от центра кургана. Яма подпрямоугольной формы, стенки расширились ко дну. Размеры 1,65×0,80 м, глубина 2,22 м. В заполнении ямы прослеживались остатки поперечного деревянного перекрытия — жердей диаметром до 8 см, сохранившейся длиной до 0,40 м. На дне ямы лежал костяк взрослого человека (мужчина 30—35 лет), головой ориентирован на северо-запад. Погребенный был уложен скорченно на спине, колени упали вправо, руки лежали вдоль тела, слабо согнуты в локтях. На черепе, костях рук и пятках следы красной охры. Под костями скелета, на дне ямы — белый тлен от органической подстилки. Погребение безынвентарное.

Погребение 8 (основное для первой насыпи (?), ямная культурно-историческая общность) (рис. 11: 2). Погребение обнаружено в первой восточной траншее в 3 м на восток и 3 м на юг от центра кургана. Могильная яма прямоугольной формы, стенки слегка расширились ко дну. Размеры 1,55×0,90 м, глубина 2,25 м. В заполнении ямы встречались фрагменты деревянных жердей от поперечного перекрытия (сохранившаяся длина до 0,3 м, диаметр до 5 см). На дне ямы находился скелет взрослого человека (мужчина 40—50 лет), ко-

торый лежал скорченно на спине, череп ориентирован на северо-восток, колени завалены вправо. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисть положена на таз. Под костями скелета на дне зафиксирован белый органический тлен от растительной подстилки. Погребение безынвентарное.

Погребение 9 (впускное, бабинская культурно-историческая общность) (рис. 7: 7; 11: 3). Погребение обнаружено в первой восточной траншее в 3 м на восток и 2 м на юг от центра кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, 1,40×0,70 м, глубина 1,90 м. Возможно, первоначально погребальное сооружение представляло собой подбой. Погребение перерезало северную стенку погребения 8 (рис. 11: 2, 3). На дне — костяк взрослого человека (мужчина 18—22 года), лежал скорченно на левом боку, головой ориентирован на северо-восток. Левая рука вытянута к ногам, кисть лежала между бедренных костей, правая рука согнута в локте под прямым углом, повернута к левой руке. Под костями скелета белый тлен от органической подстилки. Погребение безынвентарное.

Погребение 10 (впускное, ямная культурно-историческая общность) (рис. 10: 2). Погребение обнаружено в 4 м на север и в 6 м на запад от центра кургана. Было перекрыто пятью известняковыми плитами, перекрытие находилось на глубине 0,70—1 м. Под плитами обнаружена прямоугольная погребальная яма (1,40×0,80 м). Глубина ямы 1,80 м (0,80—1 м от перекрытия). На дне ямы скелет взрослого человека (женщина 35—45 лет), головой ориентирован на юго-запад. Скелет лежал скорченно на левом боку, с разворотом на грудь. Правая рука согнута в локте под острым углом, кисть лежала на левом локте. Левая рука была вытянута к левому колену. Погребение безынвентарное.

Погребение 11 (поздний бронзовый век) (рис. 7: 8). Погребение обнаружено в насыпи, в 6,5 м к югу от центра кургана. Глубина 1,35 м. Контуры ямы проследить не удалось. Погребение сильно разрушено норами. Удалось зафиксировать череп ребенка 4—6 лет, который лежал на левом виске, ориентирован лицевой частью на юг. Вероятно, изначально погребенный ребенок был уложен скорченно на левом боку, головой на восток. Погребение безынвентарное.

Погребение 12 (основное для первой насыпи, ямная культурно-историческая общность) (рис. 12: 1). Погребение обнаружено в 5 м на север от центра кургана. Погребальное сооружение представляло собой яму с уступом.

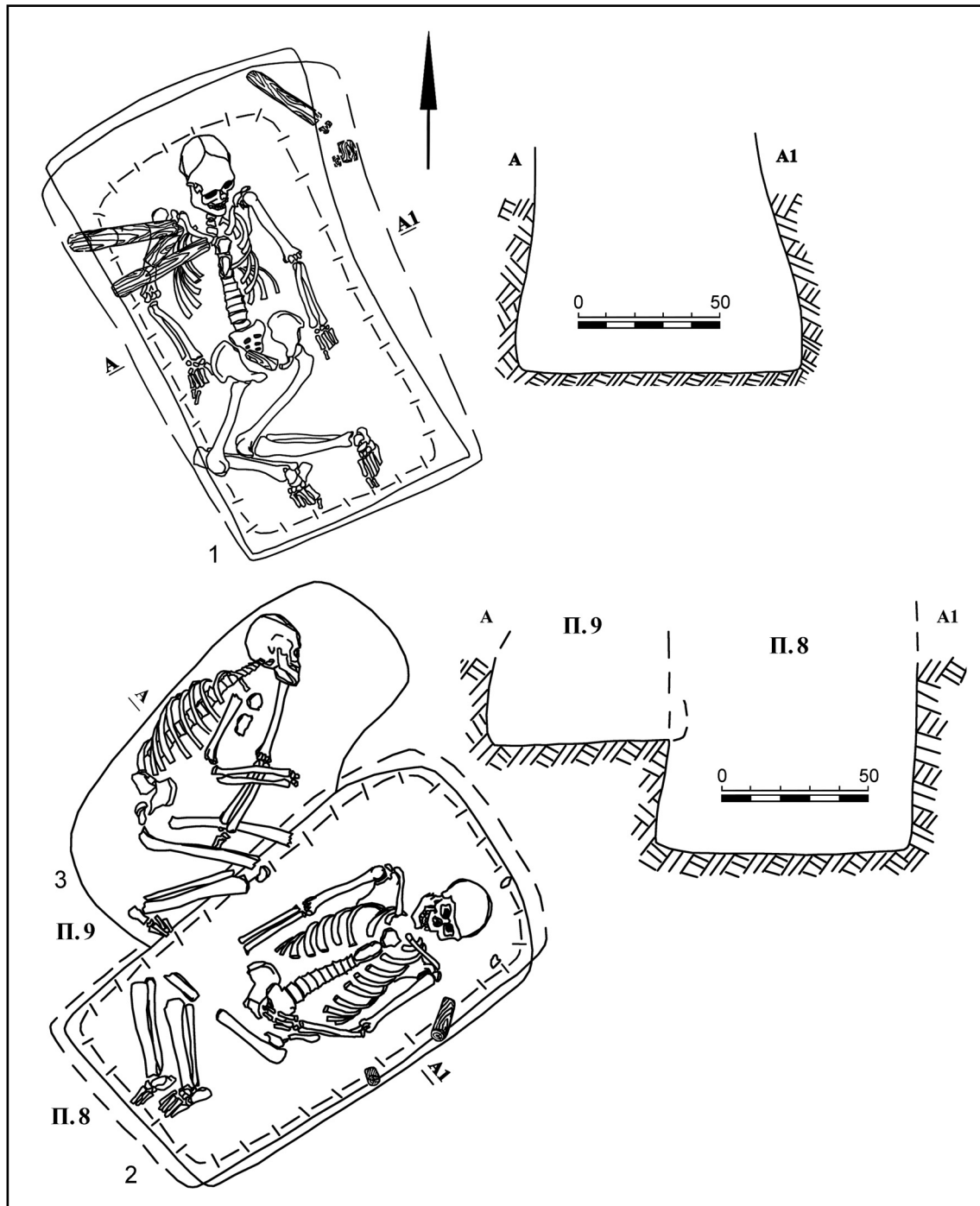

Рис. 11. Погребения кургана 2: 1 — погребение 7; 2 — погребение 8; 3 — погребение 9.

Fig. 11. Burials of barrow 2: 1 — burial 7; 2 — burial 8; 3 — burial 9.

Западнее ямы на древнем горизонте зафиксирована дуга материкового выкида (рис. 5). Размеры верхнего контура уступа $1,1 \times 0,9$ м, глубина уступа $1,9$ м от центра кургана, $0,6$ м от древнего горизонта. Яма перекрыта известняковой антропоморфной стелой (рис. 13: 7) подпрямоугольной формы с полукруглым выступом головы ($0,75 \times 0,45 \times 0,15$ м). Стела лежала лицевой частью вверх, ориентирова-

на, аналогично погребенному, «головой» на северо-восток. Погребальная яма прямоугольной формы, с сильно закругленными углами, $0,6 \times 0,5$ м, глубина ямы $2,13$ м от центра кургана, или $0,83$ м от древнего горизонта. На дне ямы находился костяк ребенка $1-1,5$ года, скорченно на спине, головой ориентирован на северо-восток, руки вдоль туловища, слабо согнуты в локтях, кости ног зава-

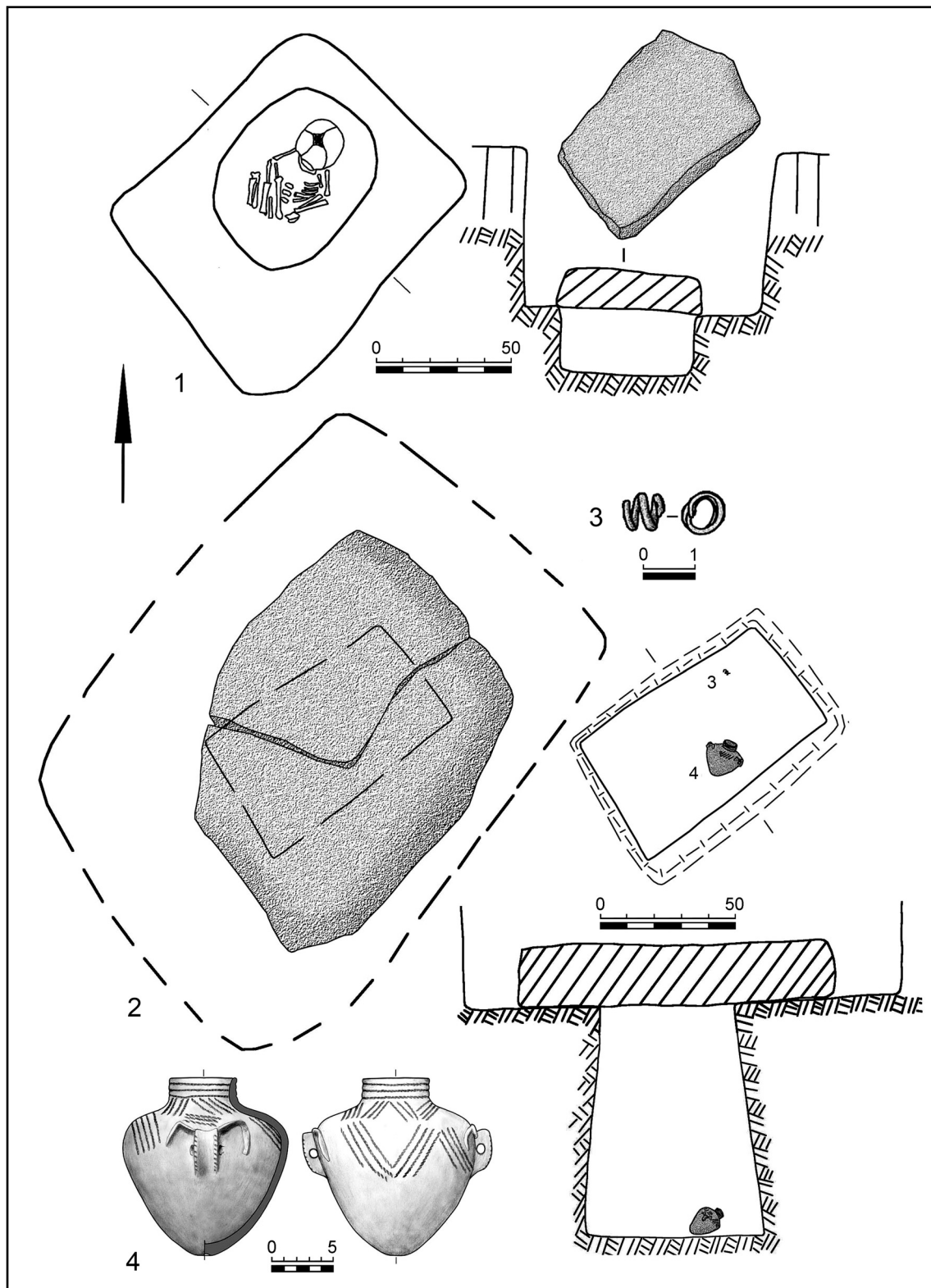

Рис. 12. Погребения кургана 2: 1 — погребение 12; 2—4 — погребение 13.

Fig. 12. Burials of barrow 2: 1 — burial 12; 2—4 — burial 13.

лились вправо. Кости слабо окрашены охрой. Погребение безынвентарное.

Погребение 13 (основное для второй насыпи, ямная культурно-историческая общность)

(рис. 12: 2). Погребение обнаружено в 2,5 м к северу от центра кургана. Севернее и восточнее погребения зафиксированы остатки материкового выкида, уложенного на поверхности

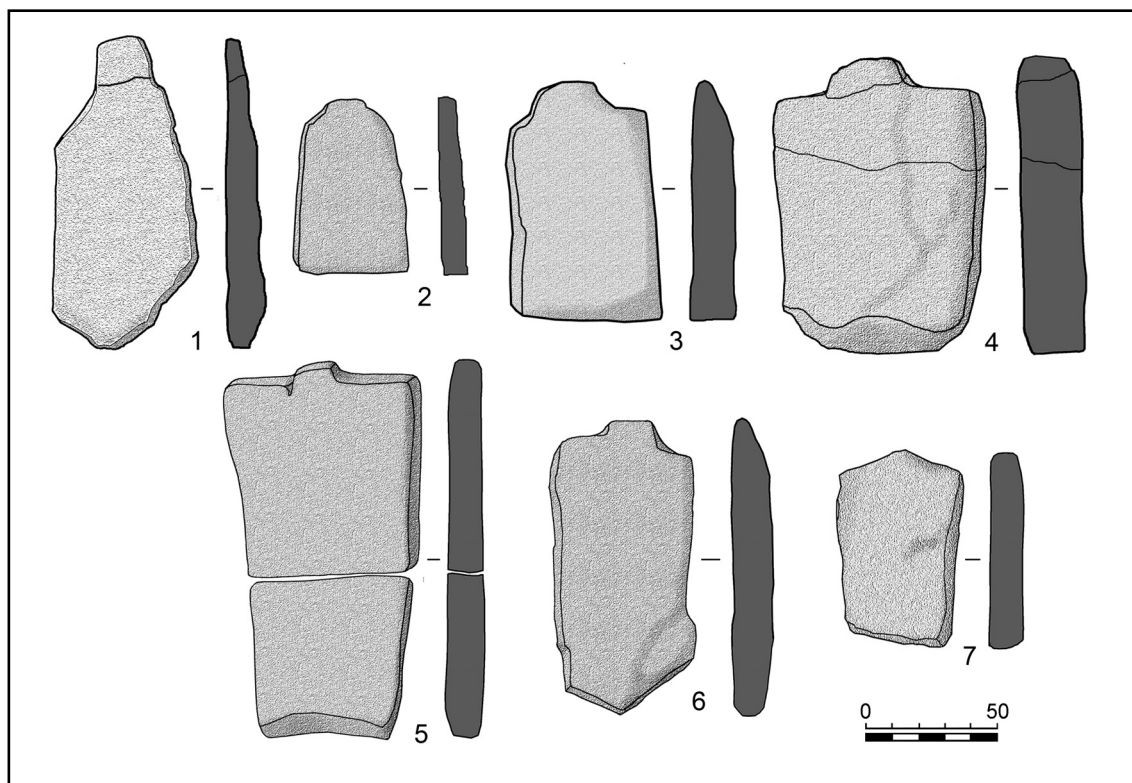

Рис. 13. Антропоморфные стелы: 1 — погребение 1/4; 2—4 — погребение 2/3; 5, 6 — погребение 2/5; 7 — погребение 2/12.

Fig. 13. Anthropomorphic stelae. 1 — burial 1/4; 2—4 — burial 2/3; 5, 6 — burial 2/5; 7 — burial 2/12.

первой насыпи (рис. 6). Яма имела каменное перекрытие в виде плиты известняка, размерами 1,35×1,1×0,25 м. Под плитой обнаружена яма с уступом, размеры по верхнему контуру 1,5×1,2 м, глубина уступа 1,7 м. Погребальная яма прямоугольная с выделенными углами, размерами 0,85×0,5 м, глубина 2,47 м. Стенки сильно расширились книзу. Длинной осью яма была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Костей погребенного не обнаружено. Очевидно, погребение являлось кенотафом. На дне ямы, возле юго-восточной стенки, найдена округлодонная лепная амфорка (1). В северо-восточном углу ямы, в придонном заполнении, найдена серебряная трехвитковая спираль (2). На дне был зафиксирован слой коричневого органического тлена от подстилки с крупинками охры.

1. Лепная амфорка с двумя ручками-ушками (рис. 12: 4). Венчик средневысокий, цилиндрический, утончается к краю; край венчика закруглен. Шейка практически цилиндрическая. Корпус слегка выпуклый, асимметричный. Днище закругленное, с выемкой в центре. Ручки-ушки расположены симметрично с двух сторон сосуда в месте максимального расширения корпуса. Тесто с примесью шамота, песка. Цвет оранжевый,

с желтыми и серыми пятнами. Поверхность шероховато-заглаженная. Диаметр венчика — 54×55 мм, диаметр основания венчика — 56 мм, максимальный диаметр корпуса — 130×131 мм, диаметр днища — 19 мм, диаметр выемки — 14 мм. Габариты сосуда по ушкам — 154 мм. Высота сосуда — 143 мм, высота венчика — 17 мм, высота верхней части — 52—55 мм. Толщина венчика у края — 4 мм, у основания — 6 мм; толщина стенок — 5—6 мм, в придонной части — до 7 мм; толщина днища — до 10 мм, в центре выемки — 8 мм. Высота ручек — 34 и 36 мм, высота над стенкой — 11 и 12 мм, ширина — 20,5 и 22 мм; диаметр отверстий — 6×7 мм.

От каждой ручки в обе стороны отходят скобовидные налепы, напоминающие рога. Внешняя поверхность ручек сформирована в виде вертикального желобка, украшенного по краям 8—9 косыми насечками. Верхняя часть сосуда украшена шнуровым орнаментом. Венчик украшен тремя горизонтальными отпечатками шнура. Ниже, при переходе венчика в плечико, расположены группы отпечатков шнура, наклоненные в противоположные стороны, по 3—5 отпечатков в группе. Между «рогов» над ручками расположены группы горизонтальных отпечатков, по 3 линии в каж-

дой группе. Корпус сосуда между ручками украшен зигзагом в виде длинных групп наклоненных в противоположные стороны отрезков, по 4 отрезка в группе и по 3 группы с каждой стороны сосуда.

2. *Украшение из серебра*⁴. Проволочная спираль в три оборота, круглого сечения, диаметр спирали до 10 мм, диаметр сечения проволоки 1,5—2 мм (рис. 12: 3)

Стратиграфия кургана. В кургане 2 исследовано 13 погребений. Все погребения относятся к бронзовому веку. К ямной культурно-исторической общности относятся 9 погребений — №3—8, 10, 12, 13. Первая насыпь кургана 2 состояла из темно-серого чернозема, была овальной формы, вытянута по оси север-юг, размерами 15×12 м, высотой менее 1 м (рис. 5). В северо-западной части эта насыпь перекрывала детское погребение 12, материковый выкид из которого был уложен западнее ямы в виде дуги. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что погребение 12 находилось довольно далеко от центра первой насыпи. Единственным захоронением в пределах этой насыпи, которое могло являться основным наряду с погребением 12, было погребение 8, но, к сожалению, материковый выкид из него не прослеживался ни в профилях, ни в плане. Можно лишь предположить, что погребение 8 могло составлять синхронную пару с детским погребением 12. Наличие такой пары прослежено для впущенных в первую насыпь кургана 2 погребений 3 и 13. Погребение 3, мужчины 30—40 лет, перекрытое тремя антропоморфными стелами, было впущено практически в геометрический центр первой насыпи, при этом севернее ямы в плане были прослежены остатки материкового выкида в виде дуги (рис. 5). Тогда же в северо-западную полу первой насыпи было впущено погребение 13 — кенотаф, причем, очевидно, детский, с серебряной подвеской и лепной амфоркой, выкид из которого также частично был уложен севернее ямы, а частично попал в заполнение входной ямы над каменной плитой перекрытия. Оба погребения были перекрыты второй насыпью, сместившей центр кургана к западу (теперь он находился примерно над погребением 13). Вторая насыпь также состояла из темно-серого чернозема, но с заметной примесью желтого материкового суглинка. Не исключено, что уже в первую насыпь мог быть впущен кенотаф (погребение 4), но стра-

тиграфических данных в подтверждение этому мы не имеем. Вторая насыпь достигала в диаметре более 24 м, и имела значительную первоначальную высоту (более 2 м), о чем свидетельствует зафиксированная в профилях широкая (до 6 м) и глубокая (до 2 м от центра кургана) окологурганная кольцевая выемка для выборки грунта (рис. 6). В западную часть второй насыпи были впущены ямные погребения 5, 7 и 10, в северо-восточную часть — погребение 6.

С последним этапом функционирования кургана 2 связаны позднебабинские погребения 1, 2 и 9. К этой же культурной группе мы предположительно можем отнести разрушенное детское погребение 11, где фиксируется поза погребенного на левом боку и расположение в южной поле кургана. Остальные бабинские комплексы также тяготеют к южной и юго-восточной частям второй насыпи.

Погребения ямной культурно-исторической общности

Всего в двух курганах у села Тузлы было исследовано 12 погребальных комплексов ямной культурно-исторической общности (1/1, 1/3, 1/4, 2/3, 2/4, 2/5, 2/6, 2/7, 2/8, 2/10, 2/12, 2/13).

Погребальный обряд

Оба кургана были сооружены в ямное время. Курган 1, видимо, изначально был небольшим (диаметром около 12 м) и вряд ли имел дополнительные насыпи и локальные досыпки. В свою очередь, курган 2 был значительно больше по высоте и диаметру, доминируя в этой небольшой группе.

Особенностью этого кургана стала прослеженная в ходе раскопок синхронность взрослых и детских погребений, основных для первой и второй насыпей. Не исключено, что в кургане 1 могла быть аналогичная пара погребений (1/3 и 1/4), но полное уничтожение насыпи распашкой не позволяет подтвердить данное предположение.

Отметим, что количественное соотношение погребений взрослых и детей в курганах ямной КИО явно не соответствует реальному уровню детской смертности в древности. Этот факт заставляет исследователей предполагать существование иного (бескурганного) обряда для захоронения большинства детей (Дергачев 1986: 36). Соответственно, маленькие дети, погребенные в курганах, особенно если это были основные погребения, зачастую сопровождалась антропоморфными сте-

⁴ Спектральный анализ металлов сделан Т. Ю. Гошко (см. Приложение 3).

лами, украшениями из драгоценных металлов, другим неординарным инвентарем, подчеркивавшим их особый социальный и/или ритуальный статус. Одной из особенностей таких погребений является и их привязка к синхронным основным погребениям взрослых. К сожалению, из-за состояния насыпей или из-за малого количества профилей в некоторых случаях можно лишь предполагать одновременность погребений. Впрочем, на территории Северо-Западного Причерноморья исследован ряд курганов с парами ямных погребений, подтвержденными данными стратиграфии. Так, особый характер детских погребений в ямных курганах был прослежен нами в 2013 году при исследовании кургана 1 группы «Сад» у села Глиное на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов и др. 2013: 14—15). Здесь основное ямное погребение 18 сопровождалось основным детским погребением 19, совершенным юго-западнее, у перемычки кольцевого рва, и перекрытым антропоморфной стелой. Рядом, на дне рва у южного края перемычки, были найдены кости конечностей быка домашнего. Оба погребения перекрывались первой насыпью. Затем в первую насыпь было впущено погребение 9, а юго-западнее его, у внешнего края уже заплывшего рва, было вырыто с древней поверхности детское погребение 6, рядом с которым найдены фрагменты двух лепных сосудов и кость животного (на дне ямы стояла лепная чаша). Погребения 9 и 6 также были перекрыты одной (второй) насыпью. Все четыре погребения были ориентированы в западном направлении.

Схожие пары основных ямных погребений были исследованы в 2007 г. в курганах №1 и 3 у села Дойбаны-2 Дубоссарского района на левобережье Нижнего Днестра. В первой публикации раскопок было высказано мнение, что в обоих случаях курганы насыпаны в два приема, и вторые насыпи связаны с впускными детскими погребениями (Тельнов, Четвериков, Синика 2008: 80—92). При этом в профилях бровок вторые насыпи не были прослежены, и данное предположение основывалось на позиции в курганах детских погребений с каменными перекрытиями, в непосредственной близости от которых были зафиксированы кострища. Следует отметить, что в обоих случаях детские погребения и кострища располагались примерно в трех метрах на юго-запад от основных погребений, и уровень их впуска был на 0,7—0,9 выше древнего горизонта. Также сходно наличие заплечиков только по трем сторонам ям обоих детских погребений. В целом, по обряду основные и дет-

ские погребения обоих курганов представляли собой практически идентичные пары. Можно предположить, что в процессе возведения насыпей до определенной высоты в них на строго отмеренном расстоянии от основных по определенной схеме были впущены детские погребения, перекрытые камнем (оба основных погребения взрослых имели деревянные перекрытия). Рядом с детскими погребениями на уровне каменных перекрытий были совершены обряды, от которых остались кострища (в кургане 3 в кострище были кости лошади). Затем возведение насыпей продолжилось. Очевидно, их высота в итоге составила значительно более 2 м. Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело не с двумя разновременными насыпями, а с двумя этапами сооружения одной насыпи, разделенными обрядовым действием.

Исследователями неоднократно отмечались случаи, когда одна насыпь перекрывала два или три синхронных ямных погребения (Шапошникова и др. 1986: 13; Тощев 2007: 27). Проследить стратиграфическую позицию детских погребений (в том числе кенотафов соответствующих параметров) значительно сложнее, чем погребений взрослых, из-за небольших размеров ям и отсутствия либо незначительных объемов материкового выкида. Тем не менее, довольно надежно зафиксированные на настоящее время пары основных ямных погребений «взрослый + ребенок (детский кенотаф)» дают нам достаточные основания говорить об особой разновидности погребального обряда ямных племен Северо-Западного Причерноморья.

Погребальные ямы, не разрушенные позднейшими перекопами, были прямоугольной формы с закругленными углами. Наличие уступов по периметру ям прослежено только в четырех случаях (1/4, 2/10, 2/12, 2/13), в том числе в трех детских погребениях (к таковым мы относим и кенотафы соответствующих размеров). Овальная яма зафиксирована только в детском погребении 12 кургана 2. В пяти случаях (2/3, 2/6, 2/7, 2/8, 2/13) стенки ям заметно расширялись ко дну.

Камнями были перекрыты девять погребений, в том числе два погребения женщин, одно детское и три кенотафа. Видимо, в ряде случаев каменные плиты поддерживались уложенными поперек ямы жердями, как это было прослежено в погребении 3 кургана 1. В составе каменных перекрытий четырех погребений находились семь антропоморфных стел. В мужских погребениях 2/7 и 2/8 были зафиксированы остатки поперечного перекрытия из жердей.

Только в одном случае (2/3) по периметру дна ямы были прослежены восемь углублений от деревянных кольшкков. Отметим, что наличие подобных ямок является одной из распространенных черт погребального обряда ямной КИО на территории Северного Причерноморья (Иванова 2001: рис. 20).

Наличие коричневого либо светло-серого органического тлена от растительных подстилок зафиксировано в пяти погребениях.

Полная или частичная окраска охрой костяков и/или подстилок отмечена в семи погребениях.

Комплексы 1/4, 2/4 и 2/13 являлись кенотафами. Размеры погребальных ям комплексов 1/4 и 2/13 (1×0,5 м и 0,85×0,5 м) свидетельствуют, что эти кенотафы были детскими. К тому же в погребении 1/4 был найден молочный зуб ребенка 6—12 месяцев при полном отсутствии следов костяка.

Из 8 погребений с сохранившимися костяками 7 погребенных были уложены скорченно на спине, в том числе основные для первой и второй насыпей кургана 2. Пять костяков принадлежали мужчинам, один — старой женщине, один — маленькому ребенку. Лишь в комплексе 2/10 зафиксировано положение костяка (женщина 35—45 лет), скорченно на левом боку, с разворотом на грудь, левая рука была вытянута к коленям, правая согнута под прямым углом.

Для разрушенного основного погребения 3 кургана 1 ориентация по сторонам света не восстанавливается. Предположительно основное для первой насыпи кургана 2 погребение 8 было ориентировано в северо-восточном направлении, как также основное детское погребение 12. В основном для второй насыпи комплексе 2/3 погребенный был ориентирован на восток. В синхронном с ним детском кенотафе 2/13 серебряная подвеска была найдена в северо-восточной части ямы. Подобные украшения практически всегда были найдены у головы погребенного, поэтому для этого комплекса также можно предположить северо-восточную ориентировку. Впускные погребения кургана 2 со скорченными на спине костяками (2/5, 2/6, 2/7) были ориентированы на северо-запад. Женский костяк во впускном погребении 2/10, уложенный скорченно на левом боку с разворотом на грудь, был ориентирован на юго-запад. Юго-западную ориентацию, видимо, имело изначально впускное детское погребение 1 кургана 1.

Отдельно следует отметить такую особенность погребений ямной КИО у с. Тузлы, как сравнительно большое количество антропо-

морфных стел в перекрытиях погребений — одна стела в погребении 4 кургана 1 и шесть стел в трех погребениях кургана 2 (2/3 — три, 2/5 — две, 2/12 — одна стела). В погребении 5 кургана 2 стелы ориентированы головами в разные стороны, что характерно для ямных комплексов региона (Шапошникова и др. 1986: 34).

На территории Северного Причерноморья известны ямные комплексы, перекрытые тремя и, реже, четырьмя стелами. Большинство таких комплексов тяготеет к южнобугскому варианту ямной культурно-исторической общности (Шапошникова и др. 1986: 25—35), два комплекса (Глубокое 1/7, Семеновка 14/2) с тремя стелами исследованы западнее Днестровского лимана (Яровой 1985: 98). Основное погребение, перекрытое поверх жердей тремя антропоморфными стелами, известно в бассейне Ингульца (Орджоникидзе 2/7) (Мельник, Стеблина 2012: 24).

Все семь стел из курганов у с. Тузлы изготовлены на плитах известняка (рис. 13). Обработке, иногда довольно тщательной (стела 2 из комплекса 2/5), подвергались лицевая сторона, иногда боковые стороны и выступ «головы». Очертания стел подпрямоугольные или трапециевидные, высота от 0,7 м до 1,5 м, выступ головы также прямоугольных либо трапециевидных очертаний, лишь у стелы из детского погребения 12 кургана 2 он полукруглый. У стелы 2 из комплекса 2/5 также тщательно обработано основание.

Показательными являются половозрастные характеристики погребенных со стелами: 1/4 — детский кенотаф (зуб ребенка 6—12 месяцев), 2/3 — мужчина 30—40 лет, 2/5 — женщина 60—70 лет и 2/12 — ребенок 1—1,5 лет. Подобное распределение может свидетельствовать о существовании определенной социальной группы с наследуемым статусом, маркируемой использованием антропоморфных стел в погребальном обряде и, возможно, связанной с совершением обрядовых действий (Новицкий 1990: 73—74; Иванова 2001: 106).

Погребальный инвентарь

В 2 из 12 погребений ямной КИО были найдены артефакты — керамические сосуды и серебряная подвеска.

Два *лепных сосуда* найдены в двух погребениях ямной КИО.

Округлобокий *горшок* со слегка уплощенным дном стоял в ногах пожилой женщины в комплексе 2/5. Подобный тип сосудов явля-

ется довольно распространенным в ямных погребениях Северного Причерноморья, в частности, южнобугского варианта ямной КИО (Шапошникова и др. 1986: 39), западнее подобные находки единичны (Иванова 2013: 206, рис. 3).

Значительный интерес вызывает сосуд, найденный в детском кенотафе 2/13 (рис. 12: 4; 14: 1). Это лепная округлодонная **амфорка** с двумя зооморфными ручками-ушками и цилиндрическим венчиком, украшенная шнуровым орнаментом. По форме данный сосуд близок к типичным амфоркам, зачастую яйцевидной формы и со шнуровой орнаментацией, известным в ямных погребениях от Северного Прикаспия до Нижнего Побужья (Шапошникова и др. 1986: 56—57; Константианеску 1988: 96; Шишлина 2007: 86; Тоцев 2007: 37, 43; Мельник, Стеблина 2012: 89, 127, 224, 387, 447). Однако его петлевидные ручки, от которых в обе стороны и вверх отходят изогнутые налепы-«рожки», характерны для группы лепных амфор иных форм, происходящих с территорий между Днестром, Прутом и Дунаем (рис. 14). Всего здесь учтено С. В. Ивановой три амфоры с такими налепами (рис. 14: 5) (Иванова 2013: 217). Также сюда следует добавить амфору из комплекса Глиное, группа Сад 1/15 (рис. 14: 6) (Тельнов и др. 2013: 21). Еще две амфоры (рис. 14: 4) (Манзура, Ключко, Савва 1992: 114, 127) были найдены на Среднем Днестре, в Лесостепи. В том же регионе, северо-западнее, в ямных комплексах Пороги 1993 1/8 и Пороги 3/4 ручки с налепами-«рожками» были у так называемых «овальных» амфор, характерных для юго-восточных групп культур шнуровой керамики (рис. 14: 7—8). Находки амфор «шнурового» облика в ямных погребениях на территории Среднего Поднестровья маркируют одно из основных направлений контактов — по Днестру с выходом на бассейн Вислы в верховьях Сана и Западного Буга (Ключко, Koško 2009: 269—301). П. Влодарчак, рассматривая другой, «дунайский», путь распространения балканских традиций на территорию культур шнуровой керамики, обращает внимание на тот факт, что «овальные» амфоры известны с раннего бронзового века практически во всей зоне Балкано-Карпатского бассейна, но в культурах шнуровой керамики обнаружены только в областях, прилегающих к зонам распространения ямной культуры, — в Поднестровье и в южных группах — на территории Богемии, Моравии, Нижней Австрии. При этом исследователь отмечает, что именно посредством ямного насе-

ления носителями культур шнуровой керамики были восприняты типы амфор, характерные для карпатских культур, в том числе и с рельефным оформлением ручек и горла (Włodarczak 2010: 302—318).

Действительно, подобные ручки с фигурными валиками-«рожками» известны в материалах культур бронзового века Балкано-Дунайского региона, например, Чернавода II — Фолтешть (рис. 14: 9) (Petrescu-Dîmbovița 1953: fig. 6: 6). Очевидно, использование зооморфных ручек с налепами продолжает здесь энеолитические традиции.

Что же касается формы амфорки из погребения 13 кургана 2 (яйцевидное тулово, цилиндрическое неширокое горло), то на территории Северо-Западного Причерноморья есть один подобный сосуд — амфора из погребения Яськи 5/26 (рис. 14: 3) (Иванова 2013: 219, рис. 8: 10). Тем не менее, орнаментация, как рельефная, так и шнуровая, на данном сосуде отсутствует. Восточнее Южного Буга, как мы упомянули выше, такие формы амфорок довольно распространены, в том числе зачастую именно в детских погребениях. Однако рельефная орнаментация в виде налепов-«рожек» на большинстве из них отсутствует. Единственный опубликованный пример близкой как по форме, так и по наличию рельефного украшения ручек амфорки — сосуд из ямного комплекса Новая Одесса IV 2/13 (Шапошникова и др. 1986: 126, рис. 48: 10—13). В детском (судя по размерам) кенотафе, перекрытом тремя плитами, в северо-восточной части ямы стояли чаша и амфорка (рис. 14: 2) яйцевидной формы с закругленным дном. Слабо отогнутый высокий венчик был украшен насечками, ниже венчика на плечиках были прочерчены треугольники, а верхние части петлевидных ручек соединялись волнистым расчлененным валиком. Возможно, последний являлся вариацией налепов-«рожек». Также следует упомянуть неопубликованный сосуд из основного ямного погребения 10 кургана 4 у с. Ольговка Бериславского района Херсонской области (правый берег Днепра), по яйцевидной форме и наличию ручек с налепами-«рожками» весьма схожий с амфоркой из комплекса Тузлы 2/13 (Кубышев и др. 1985: 10, табл. 4: 1—4). Впрочем, данный сосуд отличается отсутствием шнуровой орнаментации и размером (высота 20 см, диаметр тулова 19 см).

Отметим, что амфорку из комплекса 2/13 следует рассматривать как своего рода синкретическую разновидность керамики, где «восточная» степная форма сочетается с элементами «западной» рельефной орнамента-

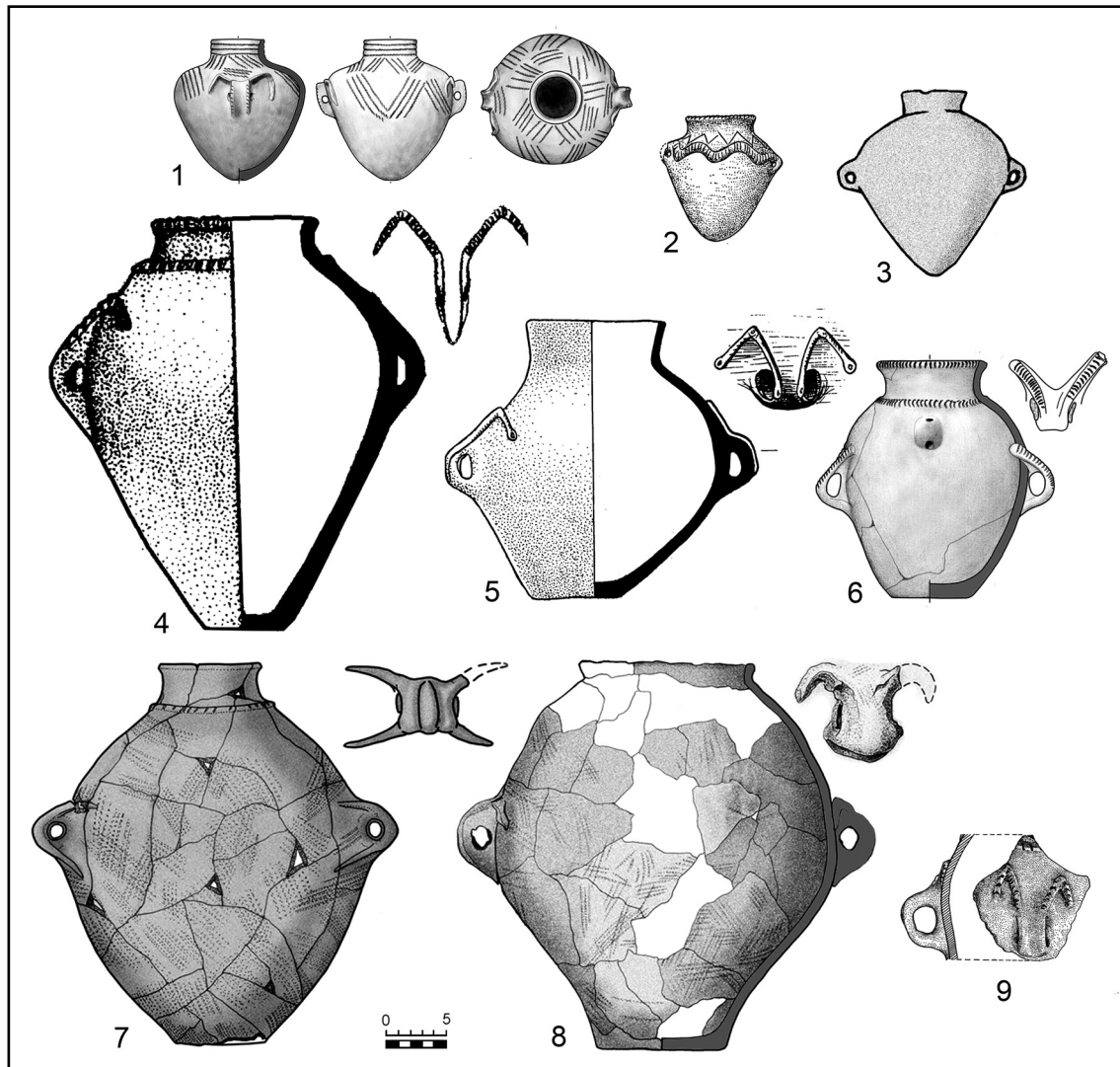

Рис. 14. Лепные амфоры из ямных погребений Северного Причерноморья: 1 — Тузлы 2/13; 2 — Новая Одесса IV 2/13 (по Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986: рис. 48: 10—13); 3 — Яськи 5/26 (по Иванова 2013: рис. 8: 10); 4 — Каменка 6/18 (по Манзура, Ключко, Савва 1992: рис. 25: 1); 5 — Градешка I 5/11 (по Иванова 2013: рис. 6: 13); 6 — Глиное, группа Сад 1/15; 7 — Пороги 1993 г. 1/8; 8 — Пороги 3/4; 9 — фрагмент сосуда с поселения Стойкань (по Petrescu-Dîmbovița 1953: fig. 6: 6) (6—8 — рисунки С.Н. Разумова).

Fig. 14. Hand-made amphorae from the Yamnaya burials in North Pontic Region: 1 — Tuzly 2/13; 2 — Novaya Odessa IV 2/13 (after Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986: рис. 48: 10—13); 3 — Yas'ki 5/26 (after Иванова 2013: рис. 8: 10); 4 — Kamenka 6/18 (after Манзура, Ключко, Савва 1992: рис. 25: 1); 5 — Gradeshka I 5/11 (after Иванова 2013: рис. 6: 13); 6 — Glinee, group Sad 1/15; 7 — Porogi 1993 1/8; 8 — Porogi 3/4; 9 — fragment of the vessel from the settlement Stoicani (after Petrescu-Dîmbovița 1953: fig. 6: 6) (6—8 — drawings by S.N. Razumov).

ции, связанными с Карпато-Балканским регионом.

В том же комплексе была найдена серебряная *подвеска* в виде проволочной спирали в три оборота. Подобные подвески довольно широко распространены в различных культурах раннего и среднего бронзового века Восточной и Центральной Европы (например: Włodarczak 2006: 249, tabl. XXVII: 3—5). Впрочем, в подавляющем большинстве случаев они изготовлены из меди или бронзы, лишь для ямных комплексов Нижнего Побужья и, в первую очередь, Северо-Западного

Причерноморья отмечается концентрация спиральных украшений из драгоценных металлов (Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986: 44; Иванова 2013: 237). С.В. Иванова полагает, что ямное население получало обогащенную серебряную руду или слитки из месторождений Карпато-Трансильванского бассейна. Об этом свидетельствует химический состав изделий, а именно, высокое содержание меди в том серебре, из которого изготовлены спиральные подвески как из ямных погребений Северо-Западного Причерноморья, так и из ямных памятников Альфельда, из по-

гребеня культуры Вучедол в Малой Груде и ямного кургана Шарретудвари-Орхалом (Иванова 2013: 238). Следует обратить внимание, что, исходя из результатов спектрального анализа (см. Приложение 3), наша подвеска, очевидно, также изготовлена из полиметаллической руды с высоким содержанием меди (до 12%). Наличие такого украшения, наряду с амфоркой и досыпкой над погребением, подчеркивает неординарный статус комплекса 2/13.

Культурная атрибуция и хронология

Курганы у с. Тузлы находились на своеобразном пограничье между двумя массивами памятников, один из которых в литературе называется южнобугским вариантом ямной КИО, второй — буджакским типом памятников либо, чаще, буджакской культурой в рамках ямной КИО. У О.Г. Шапошниковой западная граница южнобугского варианта проведена примерно по линии Тилигульского лимана (западнее тузлинских курганов) (Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986: 5). В последние годы С.В. Иванова настаивает, что восточная граница буджакской культуры должна проходить по Южному Бугу (Иванова 2013: 200). Мы можем согласиться с мнением исследовательницы о том, что нельзя проводить черту между культурными группами по административной границе современных областей. Тем не менее, расширение границ буджакской культуры на восток также требует дополнительных аргументов. Основными признаками буджакской культуры являются заметное преобладание западной ориентировки погребенных, начиная с раннего этапа; особенные типы керамики («буджакские банки», плоскодонные горшки, цилиндрические чаши, «овальные» амфоры и т.д.) (Иванова 2013); меньшее, по сравнению с южнобугским вариантом, использование камня в погребальном обряде, в том числе и антропоморфных стел. Подчеркнем, что все погребения кургана 2, основные для первой либо второй насыпи, ориентированы в восточном или северо-восточном направлении. Только один погребенный был уложен скорченно на боку, остальные — на спине. Оба сосуда из кургана 2 также относятся к типам, не характерным для буджакской культуры (единственным «западным» элементом являются налепы-«рожки» на амфорке из комплекса 2/13). Наконец, минимум для девяти погребений курганов 1 и 2 прослежены каменные перекрытия, в составе которых находилось семь антропоморфных стел. Таким образом,

вышеперечисленные особенности позволяют нам отнести ямные комплексы из курганов у с. Тузлы к южнобугскому варианту ямной КИО. Отметим, что большинство этих комплексов близки между собой по чертам погребального обряда, что может свидетельствовать о довольно коротком «шаге стратиграфии» между ними.

Абсолютное датирование ямных погребений является проблематичным. К сожалению, радиоуглеродные даты тузлинских комплексов пока отсутствуют, поэтому говорить о хронологии мы можем лишь предварительно. Отметим, что наличие рвов и кромлехов, являющихся одним из признаков ямных погребений раннего этапа (Иванова 2001: 28), нами не зафиксировано. В то же время, восточная и северо-восточная ориентировка основных скорченных на спине погребений является признаком преимущественно первого стратиграфического горизонта южнобугского варианта. Для второго горизонта отмечено появление амфорок и многовитковых подвесок (Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986: 54—57). Серебряные подвески-спирали в погребениях буджакской культуры появляются уже в первой четверти III тыс. до н.э. (Иванова 2013: 233). К тому же времени относится появление в буджакских погребениях амфор с налепами-«рожками». Так, в комплексе Градешка I 5/11, помимо такой амфоры (рис. 14: 5), которую С.В. Иванова связывает с культурой Чернавода II — Фолтешть, находился сосуд, характерный для культуры шаровидных амфор (Иванова 2013: 235). Таким образом, предварительно мы можем отнести основные, а также, вероятно, большинство впускных ямных погребений к первой половине III тыс. до н.э.

Погребение ингульской культуры катакомбной культурно-исторической общности

Погребение 2 кургана 1 можно отнести к ингульской катакомбной культуре. Оно было впущено в юго-восточную полу насыпи, что характерно для подавляющего большинства катакомбных погребений региона (Дергачев 1986: 92).

Входной колодец и камера имели округлые очертания. Костяк взрослого человека был ориентирован головой в наиболее традиционном для ингульской культуры южном направлении. Поза была вытянутой на спине. Справа от черепа находилось чашеобразное углубление. Подобные углубления также довольно распространены в погребениях ингульской

культуры (см., например: Полин и др. 2008: рис. 2; Тельнов и др. 2013: 18).

По всем признакам комплекс 1/2 должен быть отнесен к среднему или позднему периодам катакомбной КИО. Отметим, что серия дат, полученная для катакомбных памятников Северо-Западного Причерноморья, укладывается в диапазон от 2580—2341 до 2267—1981 ВС (Иванова 2013: 9); финал катакомбной КИО здесь смыкается с начальным этапом днепро-прутской культуры бабинской культурно-исторической общности.

Погребения бабинской культурно-исторической общности

Судя как по погребальному обряду, так и по инвентарю, погребения 1, 2, 9 и 11 кургана 2 можно отнести к бабинской культурно-исторической общности (культурный круг Бабино, днепро-днестровский (степной) локальный вариант днепро-прутской бабинской культуры) (Литвиненко 2008: 91).

Погребальный обряд

Все погребения были впускными в южную часть второй насыпи кургана 2, что является характерным для днепро-прутской бабинской культуры. Для бабинского населения этого региона южное направление являлось семантически значимым (Литвиненко 2008: 120). Досыпки, связанные с рассматриваемыми погребениями, не зафиксированы.

Конструкция погребального сооружения (подбой) хорошо прослежена лишь для погребения 1, впущенного глубоко в материк. Очевидно, сооружения погребений 2 и 9 также представляли собой подбойные могилы, которые, по данным Р. А. Литвиненко, составляют 65,5% от всех сохранившихся погребальных сооружений днепро-днестровского локального варианта днепро-прутской бабинской культуры (Литвиненко 2008: 97). Для разрушенного детского погребения 11 конструкцию погребального сооружения установить не представляется возможным.

В трех из четырех комплексов устанавливается поза погребенного. В погребениях 1 и 2 костяки взрослых мужчин были уложены сильно скорченно на левом боку, кисти рук были сложены перед лицом. В погребении 9 костяк мужчины был уложен скорченно на левом боку, левая рука вытянута к коленям, правая согнута в локте и уложена кистью на локоть левой руки. Данная поза характерна для одной из обрядовых групп ямных погребений Северо-Западного Причерноморья,

но зафиксирована и в бабинских комплексах (Иванова и др. 2005: 162). Все четыре костяка ориентированы в традиционном для позднего бронзового века восточном направлении.

Также к особенностям погребального обряда можно отнести наличие остатков напутственной пищи в виде лопатки быка домашнего в заполнении п. 1 кургана 2.

Погребальный инвентарь

В погребении 2 кургана 2 был найден *лепной баночный сосуд*. Подобные сосуды являются самым распространенным типом керамики в бабинских погребениях Северо-Западного Причерноморья (Савва 1992: 34—38).

Костяные *пряжки-медальоны* найдены в мужских погребениях 1 и 2 кургана 2. Они относятся к наиболее распространенному типу для позднебабинских погребений — с овальным желобчатым щитком и дополнительным боковым отверстием (тип 3о) (Литвиненко 2008: 250).

Кроме погребального инвентаря в виде пряжки-медальона, в бабинском погребении 1 кургана 2 был найден кремневый *треугольный наконечник стрелы* с неглубокой дуговидной выемкой в основании, являвшийся причиной ранения погребенного мужчины 35—45 лет. Кремневые наконечники стрел, покрытые слоем кальция, известны в целом ряде погребальных комплексов эпохи бронзы. В отчетах и публикациях они обычно описываются как «патинированные», «изготовленные из желвачной корки» или просто «белого цвета». Непосредственное изучение ряда таких наконечников показало, что эти предметы были причиной несмертельного ранения, после которого человек прожил еще довольно долго. За это время наконечник, оставшийся в тканях тела, покрывался слоем кальция (Разумов 2011: 67). Из 82 учтенных нами наконечников стрел из бабинских погребений Северного Причерноморья около 33 могли быть причиной ранений, остальные находились в составе 7 колчаных и производственных наборов. Треугольных наконечников с неглубокой выемкой в основании (тип А11) в бабинских комплексах насчитывается 33 экземпляра, из них как минимум 9 были причиной ранений, в том числе и несмертельных (Разумов 2011: 83). Так, среди ребер и у бедренной кости скорченного на боку костяка в позднебабинском комплексе Никольское 8/19 (Нижнее Поднепровье) было найдено по одному кальцинированному кремневому наконечнику с неглубокими выемками в осно-

№2. 2015

вании (Агульников, Сава 2004: 92, рис. 43). Подчеркнем, что такие наконечники нельзя относить к собственно погребальному инвентарю.

Хронология

Для публикуемых погребений отсутствуют радиоуглеродные даты, но, исходя из особенностей погребального обряда и инвентаря, мы можем указать общий хронологический интервал, в рамках которого возможно их датирование. В настоящее время для бабинской КИО принимается во внимание среднее сосредоточение в разбросе имеющихся ^{14}C дат 2215—1745 BC cal., что согласуется с ^{14}C датами посткатакомбного блока культур в целом в интервале XXIII—XVIII вв. до н. э. (Мимоход 2011: 28—53). Для погребений днепро-прутской бабинской культуры с пряжками типа 3о в последние годы опубликована серия калиброванных радиоуглеродных дат, позволяющих рассматривать большинство этих комплексов в пределах XVIII вв. до н. э., с возможностью омоложения некоторых из них до XVII вв. до н. э. (Ніколова, Разумов 2012: 106—107). Очевидно, в этих пределах

можно датировать и позднебабинские погребения кургана 2 у села Тузлы.

Заключение

Курганы у с. Тузлы в верховьях Березанского лимана содержали 17 погребений эпохи бронзы: 12 ямной, 1 катакомбной и 4 бабинской культурно-исторической общности.

Интерес представляют ямные комплексы южнобугского варианта, содержавшие антропоморфные стелы, амфорку с налестами «рогами» (сочетавшую в оформлении классические ямные и балканские элементы) и серебряную подвеску. Также показательна прослеженная в кургане 2 синхронность основных для первой и второй насыпей погребений детей и взрослых. Рассмотренные комплексы предварительно можно датировать первой половиной III тыс. до н. э.

Погребения бабинской КИО с лепным сосудом, двумя костяными пряжками-медальонами и кремневым наконечником стрелы дополняют серию подобных комплексов днепро-днестровского степного локального варианта днепро-прутской бабинской культуры.

Приложение 1.

Антропологические материалы из курганов 1 и 2 у с. Тузлы

Для изучения предоставлены антропологические материалы разной степени сохранности, происходящие из 12 погребений. Доступных для измерения по краниометрической программе черепов среди исследованного материала нет. Целью данной работы является краткое описание сохранившегося материала, а также определение пола и возраста погребенных.

Методические замечания

Пол определялся комплексно на основе особенностей морфологии костей таза, черепа, длинных костей (Алексеев 1966: 43—48; Standards... 1994: 15—21; Stloukal 1999; Krenzer 2006). По традиционным для советской и украинской антропологии схемам оценивались: степень выпячивания глабеллы (рельеф надпереносья) — по Р. Мартину (1—6 б.) (Алексеев, Дебец 1964: 81, рис. 18), выраженность надбровных дуг (1—3 б.) (Алексеев, Дебец 1964: 80, рис. 17), развитие сосцевидного отростка (1—3 б.) (Алексеев, Дебец 1964: 82), выраженность затылочного бугра — по схеме П. Брока (0—5 б.) (Брока 1879: 29). По схемам, распространенным в западной науке, оценивались: форма верхнего края орбиты (1—5 б.) (Standards... 1994: 20, fig. 4), степень наклона лба (1—5 б.) (Stloukal 1999: obr. 18), степень развития подбородочного выступа (1—5 б.) (Stloukal 1999: obr. 37), форма большой седалищной вырезки (1—5 б.) (Standards... 1994: 18, fig. 2).

Также на костях таза отмечались: взаимное расположение ушковидной поверхности и большой седалищной вырезки (*arc composita*) (Krenzer 2006: 12, fig. 8), наличие преаурикулярной борозды (Standards... 1994: 18—19), наличие вентральной арки (*ventral arc*), ширина медиальной поверхности нижней ветви лобковой кости (Standards... 1994: 17, fig. 1), лобковый угол/дуга, форма крестца (Алексеев 1966: 44, табл. 6).

Для комплексного определения возраста использованы данные по зарастанию швов черепа по схеме А. Валлуа (Krenzer 2006: 4, fig. 2), стертости зубов по схеме М. М. Герасимова (Середа 2009: 71—72, табл. 4), прирастанию эпифизов (Krenzer 2006: 120, fig. 2), срокам прорезывания зубов (Standards... 1994: 51, fig. 24), размерам длинных костей у детей (Середа 2009: 69; Bernet, Èvinger, Hajdu 2007: 202, tab. 3).

При описании скелетов фиксировались также некоторые патологии. Градация патологических изменений зубной системы определялась по схемам М. Шульца и С. Хиллсона: пародонтоз (0—5 б.) (Козак 2010: 117, рис. 43), пародонтит (1—5 б.) (Hillson 1996: 268, tab. 12: 2; Козак 2010: 116) и развитие зубного камня (0—5 б.) (Козак 2010: 113, рис. 41).

Для определения роста использовались формулы М. Троттера и Г. Глезера (Алексеев 1966: 232). Использована также рубрикация роста, предложенная Р. Мартином (Середа 2009: 110, табл. 10).

Курган 1

**Погребение 4 (ямное).
Реб., 6 месяцев — 1 год**

Материал представлен единственным зубом — вторым левым молочным моляром. Коронка зуба почти полностью сформирована, что позволяет определить возраст ребенка в пределах от 6 месяцев до 1 года.

Курган 2

**Погребение 1 (бабинское).
Муж., 35—45 лет**

Антропологический материал представлен фрагментированным черепом, костями посткраниального скелета.

Рельеф и признаки полового диморфизма на черепе выражены хорошо. Рельеф надпереносья — 5 б., надбровные дуги — 2 б., толщина верхнего края орбиты средняя (3 б.), сосцевидные отростки массивные (3 б.), форма подбородка четырехугольная (подбородочные бугры выражены хорошо), при этом рельеф подбородочного выступа не выражен. Изнутри все швы заросли, извне заросли участки С3, S2—4, участок L1 начал закрываться, С1—2, S1, L2—3 открыты. Стертость зубов 2—3 б. Из аномалий можно отметить трудности с прорезыванием клыков (прорезался только нижний правый, остальные зафиксированы в «замершем» состоянии в альвеолах). Это, очевидно, связано с неправильной закладкой клыков (под латеральными резцами на верхней челюсти и вплотную к 1-му премоляру на нижней). Вероятно, подобная проблема характерна и для центральных нижних резцов — они отсутствуют в челюсти, на их месте просматриваются корни молочных резцов. Кроме того, среди патологических изменений можно отметить: апикальный процесс вокруг корня 2-го нижнего левого премоляра, сколы эмали, зубной камень (2—3 б.), пародонтит в слабой степени (1 б.), пародонтит (4 б.)

Кости посткраниального скелета массивные. На костях таза признаки полового диморфизма также выражены хорошо: узкая форма большой седалищной вырезки (5 б.), одинарная линия *arc cotrosé*, форма крестца (высокий, узкий и изогнутый). Из патологических состояний на костях посткраниального скелета можно отметить: остеопороз, возрастные изменения суставных поверхностей, остеофиты на позвонках, краевые разрастания на фалангах пальцев.

Рост определен на основе измерения лучевых (176,5 ± 4,32 см) и большеберцовой кости (176,9 ± 3,37 см), что относится к категории больших величин по рубрикации Мартина.

**Погребение 2 (бабинское).
Муж., 30—40 лет**

Представлен очень фрагментированными костями черепа и посткраниального скелета.

На черепе выражены признаки, позволяющие говорить о мужском поле индивида: покатый лоб (4 б.), верхний край глазницы округлый (4 б.), рельеф надпереносья выражен хорошо (4 б.), надбровные дуги выражены слабо (1 б.), вертикальная ветвь нижней челюсти, хорошо выражена же-

вательная бугристость, рельеф подбородочного выступа выражен средне (3 б.), сосцевидные отростки среднемассивные (2 б.). Стертость зубов — 2—4 б. Из патологий зубной системы можно отметить зубной камень — 1—2 б. (на 3-м нижнем правом моляре — окклюзивный) и гиперцементоз. На 3-м верхнем левом моляре с мезиальной и дистальной сторон отмечены интерпроксимальные борозды.

На костях посткраниального скелета фиксируется остеопороз.

**Погребение 3 (ямное).
Муж., 30—40 лет**

Антропологический материал представлен фрагментированным черепом, костями посткраниального скелета.

Рельеф и признаки полового диморфизма на черепе выражены хорошо (кроме затылочного бугра — 0 б.): глабелла — 5 б., верхний край глазницы — 4 б., сосцевидные отростки — 3 б., вертикальная ветвь нижней челюсти. Доступные для исследования швы изнутри и снаружи частично облитерированы (участок S4 закрыт изнутри и открыт извне, лямбдовидный шов открыт изнутри и снаружи). Стертость зубов существенная — резцы и клыки стерты до половины высоты коронки, верхние моляры на 2—4 б. Из патологий можно отметить зубной камень — 3—4 б. На 3-м левом верхнем моляре с дистальной стороны фиксируется интерпроксимальная борозда.

Форма симфиза опять же свидетельствует о мужской половой принадлежности костяка (отсутствие вендральной арки, узкий лобковый угол, широкая медиальная поверхность нижней ветви лобковой кости под симфизом).

Из патологий посткраниального скелета можно отметить краевые разрастания на фалангах пальцев.

Рост определен по длинам плечевой (165,6 ± 4,05 см) и лучевой (172,8 ± 4,32 см) кости, что относится к категориям «средний» и «высокий».

На костях фиксируются следы посмертных повреждений грызунами в виде параллельных бороздок.

**Погребение 5 (ямное).
Жен., (55) 60—70 лет**

Для исследования доступны фрагментированные кости черепа и кости посткраниального скелета.

Рельеф на черепе выражен слабо: глабелла — 2 б., надбровные дуги — 1 б., сосцевидные отростки — 2 б., затылочный бугор — 1 б., подбородочный выступ — 2 б. Швы почти полностью закрыты, что говорит о пожилом возрасте индивида. О том же свидетельствует и структура кости — практически отсутствуют наружная и внутренняя костные пластинки, ячейки диплоэ расширены. Зубы стерты очень сильно — 5—6 б., многие прижизненно утрачены. Только 3-й нижний правый моляр стерт на 2 б. (возможно это объясняется отсутствием антагониста, что не может быть подтверждено из-за отсутствия противостоящего фрагмента верхней челюсти). Из патологий

№2. 2015

на внутренней поверхности черепа зафиксированы геморрагические изменения, усиление рисунка артериальных борозд. На 1-м левом верхнем моляре фиксируется скол эмали и максимальная степень развития зубного камня (5 б.), на 3-м нижнем правом моляре — степень развития зубного камня 3 б. (на остальных зубах признак не фиксируется из-за стертости). Кроме того, из зубных патологий обнаружены переломы зубов и вторичный дентин. Интерпроксимальная борозда отмечена с дистальной стороны 2-го правого нижнего моляра. В лямбдовидном шве фиксируются вставные косточки.

Кости посткраниального скелета грацильные со слаборазвитым мышечным рельефом. Из признаков полового диморфизма на тазовых костях фиксируется преаурикулярная борозда. Из патологий отмечены: цистоподобное образование под суставной поверхностью коленного сустава на правой большеберцовой кости, остеопороз и сильные возрастные изменения суставных поверхностей (местами до эбурации), краевые разрастания на фалангах пальцев. Также обнаружено (к сожалению, без привязки к определенному отделу скелета) округлое образование белого цвета с максимальным размером 31 мм. Частично оно покрыто тонким слоем костного вещества, что свидетельствует о том, что образование находилось в организме женщины при ее жизни. О природе образования можно будет судить после анализа его состава.

На лопатке обнаружены следы посмертных повреждений грызунами.

**Погребение 6 (ямное).
Муж., 25—30 лет.**

Антропологический материал из этого погребения представлен фрагментированными костями черепа, костями посткраниального скелета.

Кости черепа грацильные, на них преобладают признаки, позволяющие говорить о мужской половой принадлежности индивида: верхний край глазницы округлый (4 б.), форма подбородка четырехугольная, подбородочный выступ выражен максимально (5 б.), ветвь нижней челюсти вертикальная, сосцевидные отростки — 3 б. (левый) и 2 б. (правый), затылочный бугор — 2 б., верхняя выйная линия выражена хорошо. Стертость зубов — 1—3 б. Черепные швы почти полностью открыты (участки С1—3, S3, полностью лямбдовидный шов), закрыт только участок S4. Из патологий на черепе фиксируется пороз, на зубах — зубной камень (2 б.), пародонтоз (1 б.), пародонтит отсутствует (1 б.). Из эпигенетических маркеров можно отметить вставные косточки в лямбдовидном шве.

Кости посткраниального скелета грацильные, мышечный рельеф развит слабо. Едва прослеживается линия прирастания эпифиза на головке бедренной кости. Из патологических состояний фиксируется: хорошо заживший перелом правой ключицы (в ее латеральной части), из-за которого кость приобрела неестественно изогнутую форму; углубления патологического характера на суставных поверхностях вертлужной впадины правой тазовой кости (тазобедренный сустав) и правой таранной кости (таранно-пяточный сустав) (остеохондрит?

асептический некроз?⁵); а также остеопороз.

На костях скелета фиксируются следы повреждения грызунами в виде параллельных бороздок (погрызы).

**Погребение 7 (ямное).
Муж., 30—35 лет.**

Скелет представлен черепом в крупных фрагментах, костями посткраниального скелета.

Рельеф и признаки полового диморфизма на черепе выражены хорошо: рельеф надпереносья — 5 б., надбровные дуги — 2 б., верхний край орбиты — 3 б., вертикальная ветвь нижней челюсти, подбородочный выступ — 4 б., сосцевидные отростки — 3 б., затылочный бугор — 2 б., хорошо выражена верхняя выйная линия. Резцы и клыки стерты на 3 б., моляры и премоляры — на 1—2 б. Изнутри швы заросли полностью, извне — частично. На лобной кости в районе верхнего края левой орбиты фиксируется точечное углубление (вероятно, травма со следами заживления) размером 3×4 мм. Из патологий можно также отметить затрагивающее диплоэ углубление на внутренней стороне правой теменной кости у венечного шва (размер — 8×10 мм). Оно свидетельствует о наличии в этом месте патологического образования (менингиома? туберкулез? посттравматическая мозговая грыжа?). Из патологий зубной системы можно отметить зубной камень (2—3 б.), пародонтоз в слабой степени (1 б.), пародонтит (2 б.). Из маркеров стресса отмечается гипоплазия на клыках и резцах. Из эпигенетических признаков на черепе фиксируется остеома на левой теменной кости.

Мышечный рельеф на костях посткраниального скелета развит хорошо. Большая седалищная вырезка узкая, что характерно для мужских костей. Из патологических состояний фиксируются следующие: на обеих большеберцовых костях (на левой сильнее) под проксимальным эпифизом с медиальной стороны — окостенение связки *collaterale tibiale*, узлы Шморля на позвонках.

Рост погребенного определен по измерениям большеберцовой (168,8 ± 3,37 см) и лучевой (174,3 ± 4,32 см), что входит в категории «выше среднего» и «высокий».

На костях скелета обнаружены следы повреждения грызунами.

**Погребение 8 (ямное).
Муж., 40—50 лет.**

Скелет представлен сводом и обломками черепа, фрагментированными костями посткраниального скелета.

Череп массивный, рельеф развит хорошо. Признаки полового диморфизма выражены очень хорошо: максимальная степень выступания надпереносья — 6 б., надбровные дуги — 2 б., верхний край глазницы округлый (5 б.), подквадратная форма подбородка (подбородочные бугры выражены хорошо), при этом подбородочный выступ не выражен (это может быть связано с прижизнен-

⁵ Благодарна к. и. н., с. н. с. А. Д. Козак за консультации по патологиям.

ной утратой передних зубов и атрофией альвеол), хорошо выражена жевательная бугристость, сосцевидные отростки — 3 б., затылочный бугор — 4 б. Стертость зубов существенная — 3—5 б. Венечный шов по большей части закрыт, сагиттальный закрыт частично. Из патологий можно отметить: прижизненную утрату нижних резцов и левого клыка, сколы эмали; из маркеров стресса — гипоплазию.

На длинных костях скелета фиксируется остеопороз.

Для измерения длины костей пригодна только лучевая кость, на основании чего рост может быть определен в пределах больших размеров (170,9 ± 4,32 см).

На костях скелета обнаружены следы повреждения грызунами.

**Погребение 9 (бабинское).
Муж., 18—22 года**

Антропологический материал представлен фрагментированным черепом, костями посткраниального скелета.

Надбровные дуги — 1 б., верхний край глазницы — 3—4 б, сосцевидные отростки — 3 б., затылочный бугор — 2 б. Из патологий фиксируется зубной камень — 2—3 б. (на отдельных зубах, особенно на 3-х молярах, окклюзивный).

На длинных костях часть эпифизов не приросла, что свидетельствует о молодом возрасте погребенного.

**Погребение 10 (ямное).
Жен., 35—45 лет**

Антропологический материал из погребения представлен фрагментированными костями черепа и посткраниального скелета.

Признаки полового диморфизма на черепе свидетельствуют о женском поле индивида: лоб вертикальный, выражены лобные бугры, глабелла — 2 б., надбровные дуги — 0 б., верхний край орбиты — 3 б., подбородочный выступ — 2 б., форма подбородка треугольная, ветви нижней челюсти пологие, сосцевидные отростки тонкие и длинные (2 б.), затылочный бугор — 0 б. Зубы очень стер-

ты — 4—6 б. Изнутри швы заросли. Извне участки C1—2, S1, S4 открыты, участки S2—3 и лямбдовидный шов начали закрываться. Из патологий на черепе фиксируются: фронтит, геморрагические или воспалительные изменения в орбитах, следы менингеальных реакций на внутренней поверхности черепа. Прижизненно утрачены центральные нижние резцы (альвеолы атрофированы), абсцессы вокруг корня 1-го нижнего левого премоляра и дистального корня 1-го левого нижнего моляра, пародонтоз — 3 б., пародонтит — 5 б. 3-е моляры генетически не заложены. В лямбдовидном шве вставные кости.

Кости посткраниального скелета грацильные. Строение лобковой кости (наличие ventральной арки и лобковой дуги) свидетельствует о женской половой принадлежности костяка, о том же говорит и наличие преаурикулярной борозды, треугольная форма запирательного отверстия. Симфизарные и ушковидные поверхности изменены, очень выражены места прикрепления мышц на костях таза, что говорит о серьезных нагрузках на них (вероятно, во время многочисленных беременностей). Из патологий можно отметить остеопороз на длинных костях, остеофиты и узлы Шморля на позвонках.

**Погребение 11
(поздний бронзовый век).
Реб., 4—6 лет**

Для исследования доступен фрагментированный череп.

По степени прорезывания зубов устанавливается возраст ребенка (4—6 лет). На молочных зубах с лингвальной стороны отмечен зубной камень (1—2 б.).

**Погребение 12 (ямное).
Реб., 1—1,5 года**

Антропологический материал хорошей сохранности. Представлен костями черепа, целыми костями посткраниального скелета.

Передний родничок на черепе еще не зарос, задний уже полностью закрыт. Возраст устанавливается по степени прорезывания зубов и размерам длинных костей.

Ю. В. Ушкова (Институт археологии НАН Украины)

Приложение 2

Результаты определения остеологических материалов из раскопок кургана 2 у с. Тузлы

Остеологический материал был получен в результате археологических раскопок 2013 г. Он определялся путем сравнения с экземплярами современных и субфоссильных видов млекопитающих из коллекции Национального научно-природоведческого музея НАНУ.

Кость (лопатка) принадлежит быку домашнему — отряд Парнокопытные (*Artiodactyla*) — семейство Половогие (*Bovidae*).

Следов использования в качестве орудия труда, признаков обжига на лопатке или следов от попыток ее разбить нами не обнаружено. Присутствуют только три следа разделки от режущего орудия на шейке лопатки, подтверждающие принадлежность материала к кухонным остаткам. Таким образом, данную кость можно отнести к напутственной пище.

Е. Ю. Яниш (кандидат биологических наук, Институт зоологии им. И. И. Шмальгаузена НАН Украины)

Приложение 3
Спектральный анализ спиральной подвески
из погребения 13 кургана 2 у с. Тузлы

Інститут археології НАН України
 Відділ енеоліту – бронзової доби

зразок: **957**

Дослідження проведено: с.н.с. Гошко Т.Ю

Елементний склад

Ат. номер	Елемент	Концентрація елемента
47	Ag	65,67
29	Cu	11,73
35	Br	7,103
20	Ca	5,354
17	Cl	4,544
15	P	1,701
12	Mg	0,946
79	Au	0,912
26	Fe	0,755
14	Si	0,729
38	Sr	0,441
11	Na	0,058
40	Zr	0,028
33	As	0,025
83	Bi	сліди

Підвіска спіральна

НАЕ-2013, Тузлы к.2, п.13

Дослідження виконано на спектрометрі ElvaX компанії "Элватех"

Т.Ю. Гошко (кандидат исторических наук,
 Институт археологии НАН Украины)

Литература

- Агульников С., Сава Е. 2004. *Исследования курганов на Левобережье Днестра*. Кишинев: СЕР USM.
- Алексеев В.П. 1966. *Остеометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.
- Брока П. 1879. *Антропологические таблицы, для краниологических и кефалометрических вычислений*. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии XXXVIII (2). Москва: Типо-литография М.И. Лаврова и К°.
- Дергачев В.А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинев: Штиинца.
- Иванова С.В. 2001. *Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Друк.
- Иванова С.В. 2013. *Культурно-исторические контакты населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке: Запад — Восток*. *Stratum plus* (2), 297—340.
- Иванова С.В. 2013. *История населения Північно-Західного Причорномор'я в кінці IV—III тис. до н. е.* Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Одеса.
- Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. 2005. *Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра*. Одесса: Одеська міська друкарня.
- Козак О.Д. 2010. *Кияни княжої доби. Біоархеологічні студії*. Київ: Академперіодика.
- Константинеску Л.Ф. 1988. *Новые материалы позднего времени Северо-Восточного Приазовья*. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины*. Киев: Наукова думка, 92—107.
- Кубышев и др. 1985: Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Симоненко А.В., Куприй С.А., Ковалёв Н.В. 1985. *Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в Херсонской области в 1985 году*.

- Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1985/7.
- Литвиненко Р. О. 2008. *Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток)*. Дис. ... докт. іст. наук. Київ.
- Манзура І. В., Клочко Е. О., Савва Е. Н. 1992. *Каменские курганы*. Кишинев: Штиинца.
- Мельник О. О., Стеблина І. О. 2012. *Кургани Криворіжжя*. Кривий Ріг: Видавничий дім.
- Мимоход Р. А. 2011. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований. *КСИА* 225, 28—53.
- Ніколова А. В., Разумов С. М. 2012. Поховання культури Бабине Сугоклейської Могили. *Археологія* (3), 96—108.
- Новицкий Е. Ю. 1990. *Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Издательство Управления культуры.
- Полин и др. 2008: Полин С. В., Черных Л. А., Дарган М. Н., Разумов С. Н. 2008. Исследования курганов эпохи бронзы и скифского периода у г. Орджоникидзе (Украина), сезон 2007 г. *Revista arheologică* (4), 135—145.
- Савва Е. Н. 1992. *Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.
- Середа С. П. 2009. *Антропология*. Київ: Славистичний університет.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. 2008. Полевые исследования у с. Дойбань-2 Дубэсарского района в 2007 г. *Revista arheologică* (1), 80—92.
- Тельнов и др. 2013: Тельнов Н. П., Синика В. С., Разумов С. Н., Лысенко С. Д. 2013. *Полевой отчет о работах Днестровской археологической экспедиции у с. Глиное Слободзейского района в 2013 году*. Архив Музея археологии Приднестровья ПГУ им. Т. Г. Шевченко. №16.
- Тощев Г. Н. 2007. *Крым в эпоху бронзы*. Запорожье: ЗНУ.
- Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. 1986. *Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант)*. САИ В1—3.
- Шишлина Н. И. 2007. *Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V—III тыс. до н. э.)*. Труды ГИМ 165. Москва: Государственный исторический музей.
- Bernet Zs., Évinger S., Hajdu T. 2007. New data on the biological age estimation of children using bonemeasurements based on historical populations from the Carpathian Basin. *Annales historico-naturales Musei nationalis hungarici* 99, 199—206.
- Hillson S. 1996. *Dental anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klochko V. I., Koško A. 2009. The societies of Corded Ware cultures and those of Black sea steppes (Yamnaya and Catacomb Grave cultures) in the route network between the Baltic and Black seas. *BPS* 14, 269—301.
- Krenzer U. 2006. *Compendio de métodos antropológico forenses para la reconstrucción del perfil osteo-biológico*. Guatemala: CAFCA.
- Petrescu-Dimbovița M. 1953. *Cetățuia de la Stoicani. Materiale Arheologice privind istoria veche a Republicii Populare Romine* 1, 13—111.
- Razumov S. M. 2011. *Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200—1600 BC (based on burial materials)*. BPS 16. Poznań: Adam Mickiewicz University.
- Standards... 1994: *Standards for data collection from human skeletal remains*. 1994. Buikstra J. E., Ubelaker D. H. (eds.). Fayetteville, Arkansas: Arkansas Archeological Survey.
- Stloukal M. 1999. *Antropologie. Příručka pro studium kosty*. Praha: Narodni Muzeum.
- Włodarczak P. 2006. *Kultura ceramiki sznurowej na wyżynie małopolskiej*. Kraków: Instytut archeologii i etnologii Polskiej Akademii Nauk.
- Włodarczak P. 2010. *Dunajski szlak kultury grobów jamowych a problem genezy kultury ceramiki sznurowej*. In: Czopek S., Kadrow S. (eds.). *Mente et rutro. Studia archeologica Johanni Machnik viro doctissimo octogesimo vitae anno ab amicis, collegis et discipulis oblata*. Rzeszów: Archaeologica Ressoviensis, 299—325.

References

- Agulnikov, S., Sava, E. 2004. *Issledovaniia kurganov na Levoberezh'e Dnestra (Study of Barrows on the Left Bank of the Dniester)*. Kishinev: Moldova State University (in Russian).
- Alexeev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniia (Osteometry. Methodology of Anthropological Research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Alexeev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniia (Cranio-metry. Methodology of Anthropological Research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Brocat, P. 1879. *Antropologicheskie tablitsy, dlia kraniologicheskikh i kefalometricheskikh vychislenii (Anthropological Tables for Craniological and Cephalometric Calculations)*. Izvestiia Imperatorskogo Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii (Proceedings of the Emperor's Society of Amateurs of Natural Science, Anthropology, and Ethnography) XXXVIII (2). Moscow: "Tiro-litografiia M. I. Lavrova i K^o" Publ. (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1986. *Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy (Moldavia and Neighboring Territories in the Bronze Age)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Ivanova, S. V. 2001. *Sotsial'naia struktura naseleniia iamnoi kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Social Structure of the Population of the Pit-grave Culture in the North-Western Pontic Region)*. Odessa: "Druk" Publ. (in Russian).
- Ivanova, S. V. 2013. In *Stratum plus (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 297—340 (in Russian).
- Ivanova, S. V. 2013. *Istoriya naselennya Pivnichno-Zakhidnoho Prychornomor'ya v kintsi IV—III tys. do n. e. (History of Population in the North-Western Pontic Region in late 4th—3rd Millennia BC)*. Doc. Diss. Thesis. Odessa (in Ukrainian).
- Ivanova, S. V., Petrenko, V. G., Vetchinnikova, N. E. 2005. *Kurgany drevnikh skotovodov mezhdurech'ia Iuzhnogo Buga i Dnestra (Barrows of Ancient Cattle Breeders in the Southern Bug and Dniester Interfluve)*. Odessa: Odessa State Pedagogical University (in Russian).
- Kozak, O. D. 2010. *Kiyani kniazhoi dobi. Bioarkheologichni studii (The Medieval Kiyany. Bio-Archaeological Studies)*. Kiev: "Akadempriodika" Publ. (in Ukrainian).
- Constantinescu, L. F. 1988. In *Novye pamiatniki iamnoi kul'tury stepnoi zony Ukrainy (New Sites of the Pit-grave Culture from the Steppe Zone of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 92—107 (in Russian).
- Kubyshev A. I., Dorofeev V. V., Simonenko A. V., Kuprii S. A., Kovalev N. V. 1985. *Otchet o rabotakh Khersonskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Khersonskoi oblasti v 1985 godu (Report on the Works of the Kherson Archaeological Expedition in Kherson Region in 1985)*. Scientific Archive of the Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine, no. 1985/7 (in Russian).
- Litvinenko, R. O. 2008. *Kul'turne коло Babine (za materialamy pokhoval'nykh pam'yatok) (Babino Cultural Circle (Based on the Material from Funerary Sites))*. Doc. Diss.. Kiev (in Ukrainian).
- Manzura, I. V., Klochko, E. O., Sava, E. N. 1992. *Kamenskie kurgany (Kamenka Barrows)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in

№2. 2015

- Russian).
- Melnik, O.O., Steblina, I.O. 2012. *Kurhany Kryvorizhzhya (Barrows of Kryvyj Rih Area)*. Kryvyj Rih: "Vydavnychyj dim" Publ. (in Ukrainian).
- Mimokhod, R.A. 2011. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii Akademii nauk SSSR (Bulletins of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 225, 28—53 (in Russian).
- Nikolova, A.V., Razumov, S.M. 2012. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 96—108 (in Ukrainian).
- Novitskii, E.Yu. 1990. *Monumental'naia skul'ptura drevneishikh zemledel'tsev i skotovodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Monumental Sculpture of the Earliest Farmers and Cattle-breeders of the North-Western Pontic Region)*. Odessa: "Upravlenie kul'tury" Publ. (in Russian).
- Polin, S.V., Chernykh, L.A., Daragan, M.N., Razumov, S.N. 2008. In *Revista arheologică* (4), 135—145 (in Russian).
- Sava, E.N. 1992. *Kultura mnogovalikovo keramiki Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia (Mnogovalikovaya Culture of the Dniester-Prut Interfluve)*. Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Segeda, S.P. 2009. *Antropolohiya (Anthropology)*. Kiev: University of Slavistuc (in Ukrainian).
- Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2008. In *Revista arheologică* (1), 80—92 (in Russian).
- Telnov, N.P., Sinika, V.S., Razumov, S.N., Lysenko, S.D. 2013. *Polevoi otchet o robotakh Dnestrovskoi arkhologicheskoi ekspeditsii u s. Glinoe Slobodzeiskogo raiona v 2013 godu (Field Report on Activities of the Dniester Archaeological Expedition near the Glinoe Village, Slobodzeia District, in 2013)*. The Archive of the Transnistrian Museum of Archaeology, State University of Transnistria "T.G. Shevchenko", no. 16 (in Russian).
- Toshchev, G.N. 2007. *Krym v epokhu bronzy (Crimea in the Bronze Age)*. Zaporizhzhia: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- Shaposhnikova, O.G., Fomenko, V.N., Dovzhenko, N.D. 1986. *Iamnaia kul'turno-istoricheskaia oblast' (iuzhnobugskii variant) (Pit-grave Cultural-Historical Community (Southern Bug Variant))*. Corpus of Archaeological Sources B1—3 (in Russian).
- Shishlina, N.I. 2007. *Severo-Zapadni Prikaspii v epokhu bronzy (V—III tys. do n. e.) (North-Western Caspian Region in the Bronze Age (5th—3rd Millennia BC))*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 165. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Bernet, Zs., Évinger, S., Hajdu, T. 2007. New data on the biological age estimation of children using bonemeasurements based on historical populations from the Carpathian Basin. *Annales historico-naturales Musei nationalis hungarici* 99, 199—206.
- Hillson, S. 1996. *Dental anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klochko, V.I., Koško, A. 2009. The societies of Corded Ware cultures and those of Black sea steppes (Yamnaya and Catacomb Grave cultures) in the route network between the Baltic and Black seas. *BPS* 14, 269—301.
- Krenzer, U. 2006. *Compendio de métodos antropológico forenses para la reconstrucción del perfil osteo-biológico*. Guatemala: CAFCA.
- Petrescu-Dimbovița, M. 1953. Cetățuia de la Stoicani. *Materiale Arheologice privind istoria veche a Republicii Populare Romine* 1, 13—111.
- Razumov, S.M. 2011. *Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200—1600 BC (based on burial materials)*. BPS 16. Poznań: Adam Mickiewicz University.
- Standards for data collection from human skeletal remains*. 1994. Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (eds.). Fayetteville, Arkansas: Arkansas Archeological Survey.
- Stloukal, M. 1999. *Antropologie. Příručka pro studium kostry*. Praha: Národní Muzeum.
- Włodarczak, P. 2006. *Kultura ceramiki sznurowej na wyżynie małopolskiej*. Kraków: Instytut archeologii i etnologii Polskiej Akademii Nauk.
- Włodarczak, P. 2010. Dunajski szlak kultury grobów jamowych a problem genezy kultury ceramiki sznurowej. In: Czopek S., Kadrow S. (eds.). *Mente et rutro. Studia archaeologica Johanni Machnik viro doctissimo octogesimo vitae anno ab amicis, collegis et discipulis oblata*. Rzeszów: Archaeologica Ressoiviensis, 299—325.

Статья поступила в номер 11 декабря 2014 г.

Sergiy Razumov (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Sergiy Razumov (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Ucrainei.

Разумов Сергей Николаевич (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: razum_22@rambler.ru

Alexandr Smirnov (Nikolaev, Ukraine). Institute of History and Law, Nikolaev National University named after V.A. Sukhomlinsky².

Alexandr Smirnov (Nikolaev, Ucraina). Institutul de istorie și drept al Universității Naționale din Nikolaev „V.A. Sukhomlinsky”.

Смирнов Александр Игоревич (Николаев, Украина). Институт истории и права Николаевского национального университета им. В. А. Сухомлинского.

E-mail: smyrnovl@rambler.ru

Leonid Smirnov (Nikolaev, Ukraine). Institute of History and Law, Nikolaev National University named after V.A. Sukhomlinsky³.

Leonid Smirnov (Nikolaev, Ucraina). Institutul de istorie și drept al Universității Naționale din Nikolaev „V.A. Sukhomlinsky”.

Смирнов Леонид Игоревич (Николаев, Украина). Институт истории и права Николаевского национального университета им. В. А. Сухомлинского.

E-mail: smyrnovl@rambler.ru

Evgeniy Karnauh (Kiev, Ukraine).

Evgeniy Karnauh (Kiev, Ucraina).

Карнаух Евгений Григорьевич (Киев, Украина).

E-mail: dezz14@mail.ru

Addresses: ¹ Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine; ^{2, 3} Communarov Sq., 1, Nikolaev, 54003, Ukraine